

Юз
Алешковский

МТР

Малень
тюрем

Юз Алешковский

Маленький тюремный роман

«Издательские решения»

Алешковский Ю.

Ю. Алешковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747752-3

«Маленький тюремный роман» — книга, как написано в одном из предисловий, «...удостоенная престижной российской награды для иноязычных писателей, пишущих на русском языке, — «Русской премии». «МТР» — ещё одно примечательное событие в русской литературе. А дали премию ещё и потому, что оставить новое произведение Юза незамеченным, перешагнуть, пройти мимо — нельзя. Всё тот же неповторимый, сложный, беспредельно русский язык.

ISBN 978-5-44-747752-3

© Алешковский Ю.
© Издательские решения

Содержание

От читателя	6
Маленький тюремный роман	7
1	7
2	13
3	17
4	22
5	27
6	32
7	36
8	40
9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Маленький тюремный роман

Юз Алешковский

© Юз Алешковский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От читателя

Прочитал сыну Вите по телефону абзац из Алешковского. Слышу – смеётся. Так, что нужно немного подождать, чтобы наш с ним разговор продолжить. Вите 40 лет. Телевизор не смотрит. Слушает «металлику». На «ты» с компьютером. Гаджеты. Интернет. В общем – новое поколение. Отсмеялся: – Папа, а откуда это, где можно полностью прочитать?

Не всё новое поколение выбирает «пепси». Новому поколению интересен Юз Алешковский, которому сейчас 86 лет. Его продолжают читать. Его поют. И не только «Окурочек», не только «Николая Николаевича», которые принесли ему всенародную известность ещё в прошлом веке. Сочинения Юза Алешковского – песни, романы, рассказы, крылатые фразы и выражения множатся в сетях Интернета и растекаются по самым современным электронным читающим устройствам.

Это и свидетельство мастерства писателя и оценка нас, читателей. Уровня нашего интеллекта. Если читаем Алешковского, если ПОНИМАЕМ его, если нам хочется, пробираясь через заслоны вирусов, разыскивать в Интернете его новые произведения – значит и мы на уровне. Потому что мир Юза Алешковского средненькому читателю не то, что недоступен, он ему – не заметен. Его будто бы и все знают, но, как будто до определённой черты. – А, – говорят, – это тот, который блатные песни пишет?.. И тут для них Алешковский заканчивается. Потому что Алешковский-поэт, Алешковский-мыслитель, Алешковский – мастер живого великорусского языка – это уже другой уровень восприятия. Зачем тянуться, зачем напрягаться? Книжные прилавки завалены тоннами доступной жвачки.

Я про всё это пишу не для того, чтобы показать, какой я умный и выше всякого среднего читателя. Но мне приятно напрягаться, читая прозу Юза Алешковского. Мне доставляет удовольствие следить за переплетениями блатной, литературной, деловой, революционно-марксистской лексики в одной фразе, в одном абзаце. Этим причудливым языком исписаны целые тома. Хуй и теорема Гёделя. Изысканный литературный оборот и жёсткий булыжник из блатной фени. И всё это органично, прекрасно сочетается, как четыре-пять мелодий в одной баховской фуге.

Но, всё-таки, главная отличительная черта Алешковского, то, что роднит его с дорогими моему сердцу Пушкиным, Гашеком, Рабле, – это способность вызывать у читателя улыбку, даже если говорит он о вещах серьёзных. Юз – мастер иронии. И поколение новых, необстрелянных, обвешанных гаджетами читателей, любят его ещё и за это.

И, вместе с Алешковским, они смеются над тупостью и лицемерием новых взрослых России...

P.S. Я ни слова не сказал о содержании «Маленького Тюремного Романа» – книги, как написано в одном из предисловий, «...удостоенной престижной российской награды для иноязычных писателей, пишущих на русском языке, – «Русской премии». Хотелось вскрикнуть им туда, в литературное пространство: – Господа, ИНОЯЗЫЧНЫЙ – это кто? – Алешковский?..

Но всё равно – дали премию – спасибо! Потому что «МТР» – ещё одно примечательное событие в русской литературе. А дали премию ещё и потому, что оставить новое произведение Юза незамеченным, перешагнуть, пройти мимо – нельзя. Всё тот же неповторимый, сложный, беспредельно русский, язык.

И – ещё одно страстное, категорическое «НЕТ!» страшной машине советской тоталитарной системы.

Александр Дунаенко.

Маленький тюремный роман

Жоро Борисову, прекрасному поэту Болгарии, которого невозможно представить без его милой жены, высокоученой Саши – непредставимой без Жоро – на память о наших прогулках по песочку-бережечку Мексиканского залива.

Разница между театром и жизнью – театр начинается с вешалки, жизнь может ею закончиться.

Ольга Шамборант

ПАМЯТИ НЕВИННЫХ ЖЕРТВ ЛЖИВОЙ УТОПИИ

*Консьержери тюрьма моя
Мой Тауэр моя Бутырка
Прощайте милые друзья —
Ведут в затылке делать дырку.*

1

Беспокойно спавший человек, о котором пойдет речь, увидел себя во сне в невообразимо огромном римском Колизее, кладка которого была обвеена всеми ветрами вечности и радовала взгляд благородством форм, чьи детали жили во многовековой любви друг к другу; рядом с этим архитектурным чудом показался бы невзрачным гномом любой из стадионов мира; величественное здание Колизея было расположено, – если бросить взгляд с высоты небесной, – в необозримо ослепительном, белозеленом березовом лесу, начисто лишенном примет присутствия людей, зверей и птиц; несмотря на явную близость чуть ли не всеобщего долгожданного торжества, тот человек испытывал во сне гнет малопонятной и вообще необъяснимой безысходности; она непонятно почему мешала ему разделить сдержанное мстительное злорадство большинства людей, присутствовавших в Колизее и остро жаждавших зрелища, готового начаться; спавший, разумеется, даже во сне не сомневался в брезгливом отношении своей души к чуждой ей низости этого исключительно человеческого чувства – чувства долгожданно злорадной, чуть ли не оргастической близости зрелища показательного возмездия кому-то за что-то, или ни за что, – главное, лишь бы не тебе лично; о как ему хотелось в те минуты быть не человеком, а звоночком-жаворонком или ласточкой, одинокой ресничкой небес, чудесно отдаленной от сует земных, от грязных дел людских, – птахой, безмятежно наслаждающейся надмирными высотами да подчиненностью крылышек малейшим прихотям всемогущих воздушных потоков.

Предвосхищение чего-то необратимо ужасного, вот-вот готового произойти и захватить каждого из присутствовавших в Колизее, мучительно сдавливало сердце, сбивало дыхание человека, все глубже и глубже погружавшегося в сон, словно в смертельно опасный омут.

«Возможно, – думалось ему во сне, – злобный демон этой трижды проклятой безысходности, донимает еще из-за того, что в здешнем амфитеатре не имеется ни междурядий, ни фойе с приличным буфетом, ни сортиров, к сожалению, физиологически необходимых в любом зрелищном центре... необыкновенно странным кажется полнейшее отсутствие знаменитых женщин России... ни тебе тут шикарных всепорочных фрейлин двора, ни вели-

ких актрис, ни балерин, ни художниц, ни партийных функционеров, ни престарелых народоволок, пропахших до мозга костей смесью парижских духов с инфернальным смрадом каторги... Впрочем, не идиот ли я думать черт знает о чем?»

Он старался – как это бывает во сне – решительно соотнести с примором, как бы то ни было, любезную душе реальность и освободиться от гнетущих чувств, поэтому отвлекался от них, пробуя понять, как именно возник сей шедевр древнеримской архитектуры в девственных краях Отечества, и каким образом доставлены сюда все приглашенные... почему у нескольких врат Колизея – ни войск, ни полиции, ни конных казаков, ни жандармерии, ни шпииков, ни рабоче-студенческих демонстраций, ни карет, ни извозчичьих пролеток?... что означает полное отсутствие дворцовой гвардии и всегда согладастствующей черни?... его оглушал нестихающий гул необыкновенной разноязычности и малопонятных выкриков... повсюду представители всех имперских народностей... степенно настроены министры очередного кабинета... за наигранно серьезным видом фракционеров всех думских партий – отвратительность инфантильного упоения своей значительностью... генералы и адмиралы, почти как дамы, бессознательно очарованы своими наружностями, обвешанными златом и алмазами наградных побрякушек... кого только не было вокруг!... известные политики, лидеры многих государств, высшие чины православия, магометанства, иудаизма, буддизма, фигуры видных писателей, философы, охотно покинувшие обжитые башни из слоновой кости для барахтаний в низинах земного бытия... вон – изнывает от романтичности возвышенных эмоций и давно ожидаемого торжества времени знаменитый поэт, восторженно балдеющий от действительно нечеловеческой «музыки революции»... потирая ручки, сбились в кучку чрезвычайно самодовольные фанаты экстремистской ульяновской утопии... это слово, как лукавый бесенок, нашептывало спавшему, что глагол «утопить», отныне будет связан не только с тургеневской трагедией «Муму», но берите, сударь, гораздо выше-с... слева – свора адвокатов, остро осознавших, судя по их виду, историческую важность своих персон для социума дикарской страны... это свершившийся факт: наконец-то они обрели статус незаменимых столпов Права, щитов Закона и теперь являются пожизненно обеспеченным сословием, призванным самой Историей к чертовой матери сменить порядком обветшавшую иудео—христианскую совесть на ее изнуриительно тяжелом, главное, малооплачиваемом посту.

Во сне тот человек любопытствовал и с чисто музейным ротозейством приглядывался к группкам желтописцев, солидных писателей, крикливо одетых футуристов, к издателям, крупным инженерам, академикам, светилам театра, идолам синемаатографии, хирургии, офтальмологии, разумеется, ипсихиатрии – обзреть каждую из представительных, а также ничтожных, частиц всего мужского российского общества было невозможно... отсутствие женщин показаться угрожающе символичным и крайне подозрительным... вот чей-то знакомый густой радиобаритон, словно бы возникший из будущего, попросил всех официальных делегатов и разномастных гостей Всеимперского Общегосударственного Конституционного Соповещения занять свои места, напомнив, что оно созвано по высочайшему распоряжению Его Императорского Величества.

«Надо полагать, – подумал спавший, – вся эта сволочь, там у себя в Зимнем, наконец-то разумно восприняла всю серьезность решительного окончания слишком затянувшейся агонии бездарнейшего российского самодержавия... главное теперь в том, чтобы власть оказалась в руках трезвомыслящей социал-демократии и партий центра, но ни в коем случае не у черной сотни и, разумеется, не в жаждущих крови кашеевых лапах лжефилософа, интригана, опасно латентного садиста Ульянова и своры его бандитов».

И вдруг – вдруг отполированные веками каменные плиты огромной арены начали медленно размыкаться, словно бы подчиняясь титаническим усилиям богатырски могучих демонов хтонических бездн... монарх-самодержец тут же вознесся над подземным царством, естественно, тоже принадлежавшим обдриставшейся династии... каменные плиты сомкнулись – тютелька в тютельку, шов ко шву – уже под безукоризненно начищенными штиблями монарха... это показалось спавшему безмолвным символом необратимости, перекрывшим все пути назад и намекнувшим на предначертанность единственно правильного из всех возможных путей вперед – пути туда, к животворным источникам свободы, демократии, равенства перед Законом, социальной справедливости и к прочим баснословным чудесам нравственно действенного преображения человека, а также прогресса смягчения жестоких условий его существования.

Император был во всем штатском, прекрасно на нем сидевшем: изящный темносерый костюм, белая манишка, галстук в мелкий триколор; тишина воцарилась – именно воцарилась! – столь мгновенно и властно, что спавшему стало не до каламбурической иронии относительно ее царственности.

«Не лучше бы, – подумалось ему тоскливо, – царственности оставаться царственностью – как одному из высоких качеств Венца Творенья – и быть в глазах нации институтом чисто символическим, всегда обеспечивающим ценность и некоторую священность сложившейся в веках иерархической системы власти, а также божественного первенства величия простоты, безоружно стоящей на страже лицом к лицу с плебейскими мнимостями всего, по сравнению с нею, эстетического и политически искусственного?.. увы, – решил он, – как бы то ни было, аристократичная простота, хоть она и пытается сохранить остатки исторического величия, полностью обанкротилась вместе со своим хваленым гипнотическим великолепием... будущее – исключительно за демократией, ну а что касается пошлятины, неизбежно грозящей обществу сменой одних подешевевших идолов на другие, обесценивающиеся с еще большей скоростью, – то уж с чем-чем, а с подобной шелухой истории просвещенная часть нации справится легко и решительно».

Дорогие жители Российской Империи, глубокоуважаемые зарубежные гости, ясное осознание того, что во всех слоях общества, у каждого из народов, населяющих нашу Державу, возникла закономерная жажда социально-политических, не побоюсь сказать, революционных перемен, – я, Император Всея Руси Николай Второй, ради избежания чудовищных в близком будущем народных бедствий и несчастий, имел трудную радость своевременно прислушаться к велениям Ангелов Истории, главное, к поучительно мудрым советам Времени... поэтому без какой-либо торжественности, руководствуясь данными мне свыше правом, волей, а также гласом собственной совести, объявляю о ряде необходимых для страны нашей незамедлительных, основополагающих, коренных реформ всего имперского государственного организма... очевидно, что они являются синтезом всех полезных идей и проектов, исповедываемых вашими представительными партиями, отдельными политологами, философами, идеологами и ответственно мыслящими гражданами России... разработкой этих реформ и практическим их внедрением в нашу общую жизнь должны немедленно заняться политики, финансисты, экономисты, промышленники, торговцы, которых, надо полагать, безоговорочно поддержат рабочий класс, крестьянство, круги научной и художественной интеллигенции... мы все, добавлю, должны должны быть совестливыми служащими Реформ, хотя бы на время поднявшимися над партийными спорами, утопическими доктринами, безответственно сулящими тем, кто

был ничем, стать всем, а также над сугубо консервативными взглядами, которые явно мешают нормальному прогрессивному развитию нашего миролюбивого многонационального государства... это не пустые слова, но призыв к каждому из граждан Империи почувствовать высокую ответственность как перед нашими предками, так и перед потомками... являясь пока еще действующим символом власти, объявляю в данный миг о начале государственной политики строгого нейтралитета, гарантирующей устойчивое развитие всех наших мирских институтов – от свободного капиталистического рынка до финансовых дел, промышленности, торговли и сельского хозяйства... имею в виду развитие, вмещающее в обязанность любой из будущей законодательной и исполнительной власти заботу о непрерывной социализации распределения общенациональных доходов, справедливого для всех граждан, особенно для неимущих.

Но поскольку Самодержавию (таково уж повеление Ангелов Истории) пришла пора удалиться на покой, – в течение полугода должен быть подготовлен и осуществлен всенародный референдум... без какого-либо различия национальностей, вероисповеданий и сословий он, судьбоносный референдум, поставит перед всеми гражданами Российской Империи, достигшими совершеннолетия, не больше трех вопросов о предпочтительной для них политической структуре будущей демократической, подчеркиваю, многонациональной Империи... откровенно говоря, лично мне ближе остальных – Великобританский образец имперского государственного устройства, включающего в себя чисто формальное существование Королевства – существование, удовлетворяющее исторически, эстетически и бытообразно традиционно жизненную нужду народа, опять-таки в символическом присутствии Монархии.

Следующий шаг: сообразное решению всенародного референдума, принятие Конституции, полностью определяющей свободы, права и обязанности как каждого из граждан, так и ряд конкретных отношений всего Государства к каждому из них... проведение свободных выборов в высшие органы власти... образование просвещенной Комиссии, обязанной выработать быстрые, но долгосрочные меры, способствующие установлению справедливых отношений между трудом и капиталом... я уверен, что общественно-политической жизни демократического государства необходима высоконравственная, вновь подчеркиваю, просвещенная, критически мыслящая и, безусловно, деятельная оппозиция... ее существование будет поддержано всеми законами, а также силовыми службами, обязанными охранять и защищать порядки новой конституционной общественно политической жизни... именно поэтому мною дано указание незамедлительно выслать за пределы Империи всех до единого возжей так называемого большевизма, ратующего за кровавую революцию и якобы исторически необходимое превращение чудовищной империалистической – в еще более отвратительную гражданскую бойню, победители в которой – это обещано их лидером, господином Ульяновым – ни в коем случае не повторяют «архилиберальных ошибок» революции французской... в дальнейшем, после неперемного отказа от принципов политического экстремизма, этим господам-товарищам будет позволено подавать прошение о возвращении на демократическую родину и о праве на участие во всех областях общественно-политической жизни народа...

Наш долг и прямое веление совести – рассмотреть без какой-либо предвзятости, причем с позиций сегодняшнего времени, классические концепции политической экономики, а также полезные актуальные положения весьма и весьма агрессивного марксизма, не говоря о практических рекомендациях главного бухгалтера мировой революции господина Маркса...

Речь монарха усиливалась невидимыми мощными микрофонами; вместе с тем она, что странно, не оглушала, но несколько обескураживала и буквально ошарашила всех при-

сутствующих неслыханными, чуть ли не фокусническими новшествами; вдобавок изумила непривычной универсальностью проекта, словно бы вобравшего в себя все остальные разнопартийные программы, – так что показалось невозможным, нелепым, смешным уверовать в возможность реального воплощения в действительность ее поистине революционных смыслов; все фигуры этой речи, все ее высказанные и подразумевавшиеся идеи словно бы иронически издевались над обеими революциями сразу: над пресловутой, тою что сверху, и той что снизу, прокламируемой действительно взбесившимися агрессивными большевиками; постепенно ошарашенность с обескураженностью слились с разлитым морем какого-то первобытного всеобщего самодовольства, презрительно выражавшего превосходство «граждански ответственного здравомыслия» над лукавой изворотливостью прекраснодушных маневренных иллюзий царя-банкрота, Николашки кровавого; многие, в том числе и спавший, считали эту речь – речью психически нездорового самодержца, явно надломленного смертельным недугом Наследника, собственным пьянством, кликушествующей государыней, засильем распутинского шарлатанского оккультизма, сановной шпаной придворья и беспределом великосветского разврата.

...Продажа лицензий – на очень выгодных для наших и зарубежных финансистов условиях – ускорит геологическую разведку и добычу драгоценных металлов, нефти, угля, железных руд, леса, редкоземельных элементов, нужных наукам и технологиям, а также поддержит всемерное развитие оснащенного техникой сельского хозяйства, транспорта, соответственно, повсеместного дорожного строительства на всей огромной, богатейшей, но слабо освоенной территории нашей России, скорей уж похожей, господи, на суверенную планету, чем на шестую часть суши... мир нашего общества, охраняемый Законом и вооруженными силами государства, должен стать условием превращения России – страны, надо сказать, во многом остальной и как раз из-за собственной огромности еще не научившейся повсеместному развитию своих природных богатств и людских ресурсов, – в мировую державу, гарантирующую благоденствие всем народам Земли и верность прочному союзу с другими державами, избавившимися от стереотипного отношения к ней как к «русской опасности»... наши деловые возможности и ископаемые богатства практически неисчерпаемы... так что дело, господи, за, вновь повторяю, ответственным перед историей согласием драчущихся политиков и политиканов сделать интересы нового конституционного государства доминирующими над склоками честолобивых и властолюбивых партий... только в этом случае политикам, финансистам, технократам, ученым, промышленникам, торговцам, военным специалистам, трудящемуся крестьянству, и организованному в профсоюзы пролетариату окажется по плечу грандиозная реформистская задача, поставленная Всевышним, Временем, и Историей перед всеми народами нынешней Империи.

Прошу прощения за всего лишь приблизительно очерченные контуры необходимых реформ, кажущихся мне более радикальными, чем революция Петра Великого, но ясно что совершенно необходимыми для всех видов достойного существования многонационального, главное, демократического государства... прямая наша обязанность – сделать Россию великой во всех отношениях державой... уважаемые господа, я жду деловой дискуссии... извините за несовершенство моей фразеологии...

В следующий миг спавший человек увидел себя в огромном жерле Коллизея, в каше беснующихся толп людских, изрыгающих бессмысленные крики, надрывные вопли и механически тупо скандирующих какие-то лозунги.

Он, тупо повинувшись какому-то смутному закону общеродовой жизни, сделался бездумной частичкой орущей человеческой массы, почему-то взбешенной, опьянявшей саму себя

единым порывом к безнравственному – свойственному всем революциям – хаосу, – массы, видимо из-за страха перед неизбежным обломом, руководимой коллективной, точней, стадообразной психикой; а уж она, раздув одуревшие ноздри, звала все стадо к наркотическим источникам дьявольски самоубийственного отрицания очевидного добра, а также достойного труда гражданского существования; тот человек, почувствовав себя во сне представителем подавляющего большинства, сам того не желая, тоже одурел, словно выкурил пару самокруток анаши; он, подобно всем всему поголовью стада, что-то выкрикивал, орал, вопил, скандировал, провозглашал, демонстрировал... затем, ухарски разув одну ногу, с упоением и азартом влился своим полуботинком в громоподобный «хор» подошв и каблуков... стадо все ритмичней и ритмичней колошматило ими по полу, по пюпитрам, пюпитрам, пюпитрам... странное дело, всего лишь дружный грохот подошв и каблуков, начисто заглушавший человеческие голоса, становился все нестерпимей и нестерпимей – он разрывал перепонки, неслучайно названные барабанными, пока не встряхнул, пока не заставил спавшего человека пробудиться.

2

Обычно, так же как в детстве, после какого-нибудь невообразимо страшного сновидения, за секунду до чудовищного небытия, непременно ставившего все существо Александра Владимировича Доброво на краешек некой бездны, он просыпался действительно в натуральном холодном поту от смертельного ужаса, обернувшегося – о, счастье, о, счастье, о, счастье! – внезапным спасением от гибели; потом, в течение нескольких длительных, можно сказать, волшебных минут наслаждался пробуждением к прелестной яви либо дня, либо продолжающейся ночи.

Проснувшись поначалу показалось, что невыносимо страшный сон и неминуемая гибель, слава небесам!, тут же обернулись привычной, на миг показавшейся незнакомой реальностью – любимей и родней которой не бывает; он некоторое время упивался радостью существования, не замутненной ни одним из обстоятельств жизни; это было то счастливое состояние тела и души, которого никогда ему не доставляли, да и не могли бы доставить, ни подарки, ни дивные книги, ни увлечение естественными науками, ни путешествия по Европе, ни юношеские похождения с премилыми дамами, ни пирушки с друзьями, ни радостная приязанность к дочери Верочке, ни даже безоблачная (до некоторых пор) любовь к жене Екатерине Васильевне; потом, прямо как завзятый дзен—буддист, опустошенный/одухотворенный в часы медитации, он не спешил выбраться из постели, наслаждаясь безмыслием и бесчувствием, – таким самодостаточным было его упоение; то есть он просто существовал, как причащенные к фауне червь, мотылек, любая лягушка-зверушка, бурундучок – жил, радуя себя и других, подобно травинке, васильку, деревцу, облаку, озерной водице; жил, словно бы и не замечая, что живет совершенно не нуждаясь в еще одного из своих, по его убеждению, неоднократных пребывания на белом свете.

Очнувшись же и оказавшись с глазу на глаз с явью тюремной одиночки, к тому же безжалостно пытающей светом мутной лампочки, А.В.Д. (так его с детства именовали родственники, друзья, потом жена, дочь, коллеги, теперь вот и лубянские садисты) почувствовал все ту же, многодневную, неотпускающую боль, словно бы навеки сросшуюся с тем, что от тела осталось; но в ней, в страдающей телесной оболочке, судя по всему, избитой-перебитой, явно одноглазой, измороженной пытками, голодом, ночными допросами, невыносимой, как оказалось, бессонницей, – в ней, превращенной в жалкую, еле дышащую, забывшую о покое тряпицу жалкой плоти, ненавидящую существование, – еще безропотно трепетала душа и теплилось сознание; оно, живое-невредимое – назло всем нетопырям палачества и вообще всей этой нелюди – своевольно плюя на телесные муки и явно не желая порывать все связи с действительностью, помогало растерянному разуму А.В.Д. производить ни на что не годные, более чем отвлеченные мысли.

Например, его – ни к месту, ни к времени – очень серьезно заинтересовало то, с каким дирижерским артистизмом добивается боль, черт бы ее побрал, симфонического совершенства всех своих безмолвных, не похожих друг на друга звучаний в башке, в ноющей безглазой дыре, в плече, в костяшках пальцев, в бедре, в позвонках; а душа, вновь и вновь просматривавшая все подробности и страшные смыслы сновидения, как это делают малолетние любители синема, – душа испытывала неопишуемые муки от стыда за тело А. В. Д.; это было самое беспощадное, самое жестокое из всех возможных видов пожизненного, если не посмертного, наказания... внимательное просматривание сновидения терзало вовсе не болью, а осознанием необратимости случившегося: глупой потерей всего того, что было

когда-то благими возможностями, заживо погребенными лично им вместе с толпами других недальновидных политиканов—идиотов; поэтому приведение в исполнение высшей меры – в казнь необратимостью – казалось А. В. Д. невыносимей любой из безобразных картинок ада, наверняка сконструированного самим человеком, наделенным, в отличие от мозговых аппаратов всех остальных живых тварей, мощным – к сожалению никем и ничем не ограничиваемым – воображением.

«Кто-кто, – думал он, – а уж саморазвивавшееся воображение наловчилось не только производить идеи и создавать множество великих мифов – в том числе зловредных, точней, утопических, – но к тому же измышлять, порою создавать иные реальности с помощью религий, наук, технологий и искусств... тем не менее, нет абсурдней того факта, что воображение именно возмущенного разума порою не способно – в отличие от всех растений, животных, даже вирусов и бактерий – полностью соответствовать простым смыслам и истинам существования... с огромным пафосом вознося над собою знамена различных мифических идей, доктрин и утопий, бесконтрольно разыгравшееся воображение нашего разума извращает, уродует и, в конце концов, медленно уничтожает все природные основы существования».

Разумеется, А.В.Д. (он был очень способным функционером одной из партий) еще в семнадцатом полностью ощутил и осознал непростительную постыдность своих недавних прекраснотушных, в сущности, совершенно безнравственных политиканских пристрастий, но почему-то ни одно из уродств дьявольски воцарившейся диктатуры совдепии не породило в нем такого ужаса и адского стыда, как привидевшийся сон о его собственной реакции на выступление Государя Императора и о почти всеобщем отношении самоубийственно настроенной публики ко вполне своевременному, радикальному, но весьма разумному проекту, естественно, нуждавшемуся во всестороннем обмозговывании.

Дело не в том, сокрушался А. В. Д., что многие тезисы выступления предлагали далеко не совершенные, хотя вполне реальные пути бескровного, достаточно прогрессивного развития наций, а в том, что пути эти лежали под носом и у него лично и у массы прочих, таких же как он, идиотов, совращенных кипящим от возмущения разумом... так или иначе, одних очаровывал пафос «музыки революции», другие «сливались в хоровом экстазе» под мелодию и текст скорей уж стадного, чем партийного «Интернационала», третьи, четвертые и пятые покупались на пошлятину заведомо невыполнимых программ, – программ, основанных черт знает на чем, но только не на инстинкте самосохранения и не на трезвом знании аспектов политико—экономической реальности российской действительности того времени.

«Хорошо еще, что они взяли меня – увы, кретина прошлой жизни, райской по сравнению с нынешней – не в кругу семьи... просто – счастье, что трое моих гостили на даче у кузины... Господи, сделай так, чтоб их оставили в покое» – подумал и взмолился А. В. Д.

Сия мысль произвела волшебное обезболивающее действие на человека, уже мечтавшего о внезапной смерти и обдумывавшего как бы ко всем чертям самоубиться; только мысль побудила все его существо воспрянуть к жизни; к тому же она моментально оживила инстинкт мгновенного сопереживания беды ближних – беды любимой Екатерины Васильевны, обожаемой Верочки и несчастного пса Гена.

«Должно быть, теперь их тоже взяли – абсолютно невинных, чистых и умом и душою... не одни мы такие – вокруг свирепствует пандемия очумевшего террора... а собаке-то –

за что же ей такое горе?.. Господи, мать Пресвятая Богородица, простите многогрешного мя, спасите их всех троих, а что до меня, то пусть истязают, я уже привык, да и просить больше некого... Великомученик Святой Трифон, помоги, отыщи выход из положения ради спасения двух самых близких на земле людей и родной собаки, впрочем, помоги всем невинным жертвам совдеповских безумств».

А.В.Д. вдруг почувствовал, как рядом с ожившим инстинктом встали готовые к атаке его товарищи по схватке: просто-таки лучезарная ярость и страстное желание действовать; несмотря на пытки и унижения он молчал две недели, показавшиеся адски вечными из-за исчезновения чувства времени в его существе, истязаемом пытками; «злостное, вредительское, вражески упрямое молчание» доводило чуть ли не до сладострастного иступления самого капитана Дребеденя, старшего следователя и его сменных сотрудников; иногда им казалось, что из-за жестокости предпринимаемых при дознании физических мер воздействия, начальству лучше уж оставаться в стороне от участия в трудных допросах и поберечь нервы.

Однако Дребедень, подзаведенный издевательским отношением гражданина Доброво к задачам дознания, думал иначе, ибо настало время соответствовать задачам, поставленным партией, а также вождем всего трудового народа – народа, покоряющего в авангарде всего человечества пространство и время; поэтому он был обязан вдохновенно выдумать и вообразить, затем юридически грамотно запечатлеть политическое преступление, совершенное вредителем советской науки, в правовой, будь она проклята, реальности; причем, не просто выдумать, но еще и твердо уверовать в то, что таковое преступление действительно произошло в исторических условиях классовой борьбы, – буквально в эпицентре змеиного гнезда профашиствующих биологов-генетиков; при этом предварительное следствие обязано ответственно и скрупулезно – чтоб комар носа не подточил – соблюдать все до единой процессуальные тонкости ведения дела; сугубая конспирация, активно-оперативные действия, надлежащим образом обеспечивающие тишиной мирный досуг миллионов честных советских людей, ордера на арест, обыск, подписи понятых, своевременное предъявление обвинений, данные различных экспертиз, показания свидетелей, безупречное, до малейшей запятой, протоколирование – все это должно выглядеть с иголки, за нарушение – партбилет на стол, вон из НКВД; только тогда, товарищи, полное признание подследственного обретет органическое право являться основной уликой, достаточной для вынесения нашими судами и трибуналами – безусловно, самыми демократическими в мире – строгого приговора неисправимому вредителю, подлому врагу народа.

Возглавлявший следствие Дребедень был, так сказать, чисто по-писательски настроен на волну соцреализма в литературе и в других искусствах – на волну, к величайшему сожалению органов, еще не ставшую «девятым валом, который смыл бы к ебени матери в помойку истории тряпичную ветошь буржуазной юриспруденции»; так открыто высказывался их прямой начальник полковник Шлагбаум; Дребедень и вся его команда трудились по-стахановски; каждый безумел от желания поставить, согласно распоряжению Наркома Ежова, рекорд скоростного раскалывания каждого негодяя, предателя, врага, шпиона, заговорщика, диверсанта и вредителя; раскалывать эту мразь следует так, чтобы даже смерть показала данной проститутке троцкизма-антисталинизма точно такой же недостижимой мечтой, какой в придонной глубине души молодого выдвиженца Дребеденя являлась официальная, якобы всенародная мечта о «придуманном жидами» коммунизме; не известно откуда взявшееся в образцовом чекисте инакомыслие – к тому же подпитанное модернизированными пещерными мифами – неимоверно пугало его самого, казалось очень странным вывихом

ума, вынуждало внутренне чертыхаться и проклинать «светлую мечту», желая ей «провалиться пропадом ко всем чертям, вместе взятым по одному делу».

На предпоследнем допросе А. В. Д. Дребедень, до пота вымотавшийся, подзаведенный постоянно упрямой молчанкой «генетической сволоты», встал над арестантом, валявшимся в ногах, и, чумая от вседозволенности, как от перепива сивушной самогонки, врезал ему в левый глаз носком вреза шеврового сапога – глаз полувывтек; потом, испытывая нечто вроде оргазма, снимающего напряг чувств, мыслей и воли, благодушно спросил: «Ну как ты, А.В.Д., чуешь себя в НКВД?»

Арестант, к своему счастью, ничего уже не чувал, ни о чем не думал; чекисты перепугались того, что, перебрав, жидко, по их словам, обосрались, допустили смерть подследственного не в камере, а на рабочем месте... ой, блядь, могут понизить в званиях... перевести на службу в дальние командировки ГУЛАГа... да и долго ли расстрелять к той же самой матери, пришив лучшим своим кадрам злонамеренный саботаж?... «Мандавошки, это конец нашей карьеры», – тихо произнес Дребедень.

Срочно вызванная медчасть успокоила порядком перетрухнувших садистов; «Подследственный, – сказал им лепила, – всего лишь потерял сознание, как это часто имеет место быть в гуще славных наших буден».

А.В.Д. оказали первую помощь, обработали рану, наложили повязку, рекомендовали обеспечить «данную единицу, резко травмированную патологическим отсутствием у себя гражданской совести, сверхусиленной нормой кормления в течение трех-четырех суток, каковой следственный гуманизм ломает самых сильных», затем унесли на носилках в ту же одиночку.

3

Боясь шевельнуться и обдумывая ряд игровых комбинаций, арестант проникся гораздо большим азартом, чем тот, с которым резался в преферанс, особенно в покер, со своими партнерами; в зависимости от пришедших карт, гениально блефовал; партнеры, запутавшиеся в напрасных догадках, начисто терялись: им приходилось бороться с ним, по сути дела, вслепую, что делало незаметным опасное соскальзывание кое-как рассчитанной рискованности к губительной неопределенности, чреватой непредвиденностями и невероятностями хода игры; при этом А. В. Д. словно бы просвечивал подсознанию и знакомых и незнакомых партнеров, которая незаметно руководит мышлением и темпераментом даже профессионалов игры, их манерами, жестами, дыханием, мелкими, но многозначительными внешними приметами каких-либо тайных наклонностей, ну и так далее.

Лишь воспоминания о недавнем сне и о пробуждении, не раз приносившем счастье, а вот «одарившем» ничем не снимаемым стыдом и запоздалой сокрушенностью, вновь и вновь отвлекали, арестанта, неподвижно валявшегося на коечной подстилке, от обмозговывания необходимого порядка действий; отвлекали, тыкали и тыкали, как тыкают кутенка – мордой в нагаженное – прямо в образы и смыслы сна о выступлении Государя Императора; воспоминания были не только несравненно страшней избитости, одноглазия и, в общем-то, неминуемой смерти, но и острее всех прежних покаянных чувств и мыслей о своей прямой вине и причастности к разрушительным, самоубийственным, по сути дела, действиям и пристрастиям даже вполне умеренных политиков; одно дело – схватиться за голову из-за дьявольщины, воцарившейся в Совдепии, сострадать всем сердцем миллионам невинных людей, попавших в мясорубку сталинского террора, а вот почуять все такое на своей шкуре, но представить арест самых близких и любимых людей – невообразимо тяжело; это была не просто каверза судьбы, а непрерывная пытка, вызванная и трижды усугубленная прямой виной А. В. Д. за причастность ко всему происшедшему с Россией, теперь вот и с ним самим; прошлое обернулось настоящим, по колдобинам которого он вместе с другими самоубийственно настроенными крупными и мелкими пастырями-политиканами гонит на убой стада невинных людей, среди них мелькают фигурки жены, дочери, обожаемой собаки... «Господи, – стenal арестант, – сжался над ними, я немощен, я в аду».

А.В.Д. не заметил, как потерял на пару минут сознание, словно бы почуявшее необходимость отключить человека от невыносимой действительности; очнувшись, умял принесенную надзором миску баланды с птухой хлеба.

Когда его, слегка отдохнувшего, пришли проведать – «по экстренному приказу начальства» – двое подручных Дребеденя, он заблефовал: сделал вид человека, вовсе не рвущегося в бой, наоборот, убитого своим постыдным молчанием, поэтому наконец-то готового во всем сознаться; он заявил, что, что желает всемерно сотрудничать со следствием, самостоятельно передвигаться; при этом он, якобы сломавшись, разрыдался так жалко, так по-детски, так искренне, как учил его в юности сам Станиславский, чудом превративший родного дядю, брата матери А. В. Д., большого шалопаю и горького пьяницу, в серьезнейшего театрального художника, сознававшего важность своей трезвой жизненной роли.

На новый допрос А. В. Д. был доставлен на носилках и осторожно усажен в мягкое кресло, отнесшееся к его избитому телу с милосердной внимательностью живого участливого существа; это его тронуло, но он тут же себя одернул: сентимент показался чреватым

опасной расслабленностью воли и даже, как говорят бывалые люди, возникновением благодарной признательности к палаческому следствию за передышку и проявление гуманности, а все это вполне могло стать помехой маневренному блефованию; поэтому он сразу же крайне резко дал понять одному из подручных, что будет говорить только с гражданином Дребеденем; те немедленно вызвали своего старшего по телефону.

– Ну как ты себя чувствуешь, Авэдэ, тут у нас в НКВД? – с прежней садистичной ехидцей и по—простоцки спросило начальство.

– Вашими молитвами, точней, хуже некуда... извините, гражданин Дребедень, этот разговор должен быть наедине... кроме того, после первого же обращения на «ты», вы сызнова не услышите от меня ни слова... молчать, как вам известно, я умею, знаком с волевой методикой самого Камо.

Знакомство тоже было блефом, но арестант в самом деле страдал, говорил действительно с большим трудом, это как раз помогало блефовать, запутывать, одурачивать злодеев, что полностью отвечало первым пунктам его вроде бы неплохо продуманного давнишнего плана, который следовало бы безкоризненно точно воплотить в жизнь.

– «Сызнова», – иронически повторил Дребедень барское словцо, кольнувшее его слух и вызвавшее ухмылки подручных, – а я вот еще раз советую не выкаблучиваться и не тянуть меня «на понял»... лучше подумать о последнем глазе – не на приеме ведь находимся, так сказать, у известного глазника, профессора Филатова... мною решено сегодня же начать дознание, оно же допрос Екатерины Васильевны, жены врага народа, и дочери такового Веры, но сначала отдельно от него, а потом уж окучим вас всех вместе... да, да, вместе – он потер ручки, довольный – ничего не поделаешь, придется уж тебе, А.В.Д., понаблюдать за таким вот натюрмортом Кукрыниксов.

Дребедень говорил, заметно избегая нежелательных местоимений; арестант жестом поманил его наклониться поближе и прошептал в самое ухо:

– Не будьте идиотом, повторяю – на-е-ди-не... до вас дошло?

Дребедень с привычной властью не просто кивнул подручным, а с манерной резкостью указал подбородком на дверь – те немедленно удалились прочь.

– Не забывайте обращаться ко мне только на «вы», – вежливо, но твердо, повторил А. В. Д., – в конце концов, вы же грамотей в первом поколении... считайте, что вам, возможно и мне, очень повезло... со своей судьбой я уже примирился, ваша – в ваших руках... если бы вы меня угробили, то со всех вас быстро сорвали бы кубики со шпалами, потом без суда и следствия, а не наоборот, поставили бы к стенке... суть дела открылась бы в любом случае и вот почему: в науке – к вашему сведению, она является благороднейшим из предварительных следствий – в науке много чего тайного всегда становится явным... учтите, суть дела открылась бы без вас, потому что копия изложения всей сути хранится в надежном месте... где именно, узнаете после выполнения моих условий... попытаетесь выбить их силой, тоже не услышите от меня ни словечка... короче, заговор о покушении на жизнь вождя, который, гражданин следователь, вы мне бесполезно шьете, это фрак для заведомого мертвеца – он уже затрещит по всем швам... а пошевелив мозгами, вы получите все: зашифрованные документы, естественно, код к ним, но далеко не сразу, а только после выполнения

двух непереносимых условий... мне сохраняют жизнь, во что и верю, и не верю, как любит говорить Станиславский, – раз... второе условие, так и быть, поглощает первое: немедленно освобождаете действительно ни о чем не знающих жену и дочь, они выезжают в Англию к отцу и единственному деду вместе с собакой... подчеркиваю, вместе с собакой... о их благополучном прибытии извещает – меня лично! – телефонным звонком, причем, в этом кабинете мой тесть, пригласивший в гости родную дочь и внучку, чтобы спокойно отдать Богу душу... ему стукнуло девяносто, слава Богу, успел человек вырваться из лап вашего Феникса Эдмундовича, который – вон он, висит пока что только на гвОздике.

– А мы не зарвались ли, гражданин Доброво, мы не охуемши ли?.. ведь такой нахальной бредятины в нашем учреждении еще не срывалось даже с разбитых хлебалок соратников Троцкого... что за выпады мы себе позволяем?.. ведем себя, понимаете, хуже старорежимной проститутки.

Дребедень перестав «тыкать», никак не мог себя заставить обращаться к арестованному на «вы» и пользовался обходными местоимениями, что настроило А. В. Д. на оптимистичный лад.

– Просто не могу вести себя иначе – сказал он, – поскольку отлично понимаю, что на карту поставлены ваша и моя жизнь, и она мне намного дороже вашей, хотя вы не ставите ее ни во грош.

– Во-первых, не думаем, что я идиот – капитаны органов не бывают идиотами, и наоборот... во-вторых, оперируем фактами конкретных доказательств, не меля голословной чернухой... учтем, терпение органов не бесконечно... впереди, повторяю, мы тут вместе наблюдаем за допрашиваемой супругой, затем за дочерью, а затем уж пойдет групповая очная ставка с применением методов дознания, даже врагу не пожелаю которых... не поможет – подключим к процессу арестованного пса.

– Действительно, перейдем ближе к «Делу»... извините, забыл его номер.

– «Двадцать один ноль девять».

– Благодарю, ближе к «Делу, номер двадцать один ноль девять», – слово в слово повторил арестант.

«Эти цифры могли бы стать одними из самых счастливых, увы, наверняка последних в моей жизни цифр, – подумалось ему, – но пока что надо делать вид, что дрожу от страха, не желая подохнуть... на самом деле я уже давно потерял право на жизнь... главное – спасти Верочку и Екатерину Васильевну с Генком... при везении вырву их из гнусных этих лапищ, из помойного этого ада... и вообще, мало ли чем черт не шутит, когда Бог спит».

Если бы не чрезвычайная серьезность момента, А.В.Д., углубившись в неожиданно открывшийся смысл поговорки, непременно порассуждал бы сам с собой о возможном наличии страшных сновидений у самого спящего Господа Бога; в частности, не снится ли Ему в данный миг все происходящее с ним, с гражданином Доброво, с его семьей, с животными, далекими от человеческих дел, с миллионами невинных людей – с теми, что живут на воле, пока их не возьмут, или уже взяли, добивают на допросах, затем приканчивают, а счастливых томят за решетками родины чудесной, закаленной в битвах и труде?.. но, главное,

не собирается ли черт, пока Господь спит, подшутить и сдать ему, А.В.Д., скажем, двух тузов, бубнового и червового, Дребеденю же – трефового и пикового?.. то-то будет смеху!»

Однако он резко пресек сознание, не вовремя растекшееся не по делу.

– Извините, гражданин начальник, несколько отвлекся... очень трудно сдаваться, к тому же осознавая, что обратного пути нет... словом, убойное доказательство ценности для государства моего научного открытия имеется... а вот есть ли у вас возможность выполнить пару моих предварительных условий?.. любая из попыток, поверьте мне на слово, только ускорит ваше и ваших бандитов падение в тартарары... мне, повторю, – сохранение жизни и придурковатая работа в научной шарашке... жене с дочерью и псом – немедленный выезд к отцу и деду... вы, естественно, не останетесь в накладе: чины, должности, однако поспешите, не в раю ведь живете... к слову говоря, рай был не вечен, а вот ад – на каждом шагу... словом, я не предлагаю вести игру на равных – просто постараемся считаться с реальностью и сделаем допущение, что оба мы не идиоты... к примеру, проснувшись, я более остро почувствовал, что проиграл свою жизнь еще в пятнадцатом... тем не менее, не жажду подохнуть – согласен жить... временами, знаете ли жизнь, дает знать, что она намного сильнее нежелания человека продолжать ее в ожидании неизбежной кончины... короче говоря, неужели вы считаете, что ничтожная моя жизнь важнее для государства и его вождя, чем крупнейшее открытие, нужное науке, промышленности и сельскому хозяйству?.. задумайтесь на секунду и поймете, что ведете себя, как полнейший остолоп и дебил... не поймете, значит, объективно вы и являетесь подлинным вредителем, соответственно, врагом народа в этих стенах.

– Насчет того вопроса, кто из нас остолоп и дебил, мы еще к нему вертанемся в процессе дознания и установления полной правды... для начала принимаю оба предложения, так что выкладываем, так сказать, аванс – к начальству с пустыми руками не ходят, тем более по такому важному, понимаете, вопросу дня как освобождение и выезд жены врага народа с дочерью за пределы родины... собака-то – хер с ней, с собакой – она нигде не пропадет, поскольку, согласно закону, не считается членом семьи врага народа.

Для начала арестант придал своему и без того искалеченному лицу выражение страха, который он якобы испытывает, ступив на порог неотвратимости, затем разрыдался, словно бы трагически и навек расставаясь с самим собою – высоконравственной, но, как бы то ни было, только что скурвившейся личностью; голос его ослаб, подрагивали руки, блуждал и взгляд единственного глаза, окруженного кровавым синяком, – несчастного глаза, еще не свыкшегося с пожизненным одиночеством.

Дребедень быстро сообразил, что ему больше, чем расколовшемуся упрямцу, необходима небольшая передышка для разговора с высшим начальством, и, переборов себя, начал «выкать».

– Вас унесут, тренируйте, так сказать, нижние конечности, набирайтесь сил и помните: во всем виноваты вы сами: раньше надо было колотья, а не калечить людям, черт бы вас побрал, остаток служебных нервов, что вызвано обострением... я – на ответственном посту и уже забывши, что у меня горячее, что холоднее, что чище – башка, сердце, руки или жопа, которую ваш брат, интеллигентик, называет «мадам Сижу»... завтра-послезавтра будьте готовы к изложению деловой информации, если не желаете быть поставленными ровно на четыре, как говорится в народе, мосла.

– Позвольте сказать напоследок пару слов?.. спасибо, но простите за хриплый голос, говорю из последних сил... на себя мне наплевать... клянусь всем, что дорого для меня и свято, – ни жена, ни дочь равным счетом ничего не знали и не знают... я действовал скрытно, дома вы не найдете ни одного листика из моих исследований... я даже не разрушал ревнивых подозрений Екатерины Васильевны насчет возможной любовницы... из-за этого наш брак стоял на краю разрыва... не пытайте зря двух абсолютно невинных людей – они не знают правды и, конечно, подпишут все, что надиктуете... главное, не забывайте, что я выдержу «художественно показательный» просмотр всего, на что способны вы и ваша команда имени Малюты Скуратова... вы, понятное дело, атеист, но побойтесь Бога, поверьте если не мне, то Лермонтову, которого вы должны были учить в школе, что есть и божий суд, наперсники разврата, есть грозный суд: он ждет, он не доступен звону злата, и мысли и дела он знает наперед».

4

Как это ни странно, Дребеденя вроде бы заинтересовало все изложенное, а на Малюту и Лермонтова он не обратил никакого внимания; арестант обрадовался: поплавок легонько дернулся, рыбеха заходила вокруг лакомой наживки.

А.В.Д., когда его несли в камеру на носилках, замер от возможного, предчувствуемого всем его сердцем, счастья удачи, которое, как бывало на рыбалке, остерегался спугнуть из-за чисто рыбацкого суеверия.

«Лишь бы крючок, — думал он уже в камере, — покрепче впился в губищу твою, палачина, лишь бы не сорвалась она с него, лишь бы ты пожадней заглотил жирного мотыля... все-таки, хотя я и полный идиот, но не настолько уж и глупый, даже можно сказать, умный человек, раз успел подстраховать Екатерину Васильевну с Верочкой... если возьмут и их, то необходимо на первом же допросе или на очной с ними ставке открыто заявить о своем намеренном двуличии, скрытности и обо всем том, что выглядело бы подтверждением моего гулевого поведения».

Он со страстью доходяги-дистрофика набросился в камере на принесенную жратву, пошел «в пике», выклянчил добавку, потом рухнул на койку, прикинулся спящим — лишь бы тюремщики, постоянно следившие за ним в очко, не заметили каких—либо внешних проявлений совершенно бешеного игрового азарта, целиком его охватившего.

Здоровый глаз А. В. Д. с непривычки устал и плохо видел в камере, до того хмурой, что даже свет — божественный свет — казался скудной птухой черняшки, выдаваемой подлыми раздатчиками хлебов небесных; лежа лицом к стене, неживой хлад которой ублажал побитое лицо, и проводя по ней пальцами разбитой руки, он случайно нащупал две чем-то кое-как нацарапанные буквы «О М»; сердце забилося: свои инициалы, несомненно, нацарапал поэт, снова попавший—таки в чекистские лапы... буквы уже были закрашены серостью еще не совсем заскорузлой масляной краски, но все-таки приникновение пальца к их щербинками сообщало душе настрой возвышенный и, одновременно, глубокий — точно такой же, какой производили на нее дивные стихотворения гонимого поэта, осмелившегося не только написать, но и читать вслух неслыханно дерзкий стишок про усатую нелюдь в сапожищах.

Он думал о невольной родственной близости своей судьбы с судьбой поэта и о том, что подобная близость выше кровного родства... она — по душе, не по крови, причем, по душе бессмертной, по общей, уравнивающей великое с малым, поэтому благодарно наследующей все то прекрасное, что создано поэтами со стародавних времен до скверных и пошловатых наших дней... слава небесам, живы великие тексты, благодаря которым, как бы то ни было, преображаются поколения людей... ему вспомнилась шутка жены, воспринятая и как типичный образец прелестной дамской логики, и как нечто касающееся мистической тайны той вечной преемственности, что издавна бытует в культурах и языках всех наций мира: «Пушкин вовсе не умирал, — просто его Муза до сих пор не покидает крупнейших русских поэтов, достойных ее покровительства... неужели ученому это так уж трудно понять?»

А.В.Д. вспомнил несколько обожаемых им стихотворений О.М., с виду простых, на самом-то деле таких — до головокружения — бездонно глубоких, что проникся, как

бывало прежде, вдохновением, безусловно, порожденным величественным духом словесности гения.

«Это ангел мой подсказал, как следует подстраховаться, что притырить и где с умом оставить приманку – „подзабытые“ скомканные, явно суматошно брошенные в мусорку, зашифрованные второпях странички... больше некому, это он – ангел... о если б мне, как человеку, всегда думать наперед не о лучшем, принимая желаемое за действительное, а о самом что ни на есть худшем из всего, что может случиться и произойти, то скольких, Господи, дерьмовых ошибок можно было бы избежать, скольких не допустить глупостей, нелепостей, уродств в своей собственной жизни, в жизнях близких мне людей... в конце концов, не терзала бы мою совесть идиотская приобщенность ко всему тому, что превратило в руины российскую действительность – какую-никакую, однако обладавшую возможностями постепенного налаживания отживших свой век несправедливых и неправедных, жестоких порядков – тут уж ничего не поделаешь – так, а не эдак исторически сложившегося уклада жизни... а если бы у четверти дурачки самонадеянных партий – или хотя бы у еще одной, не менее целенаправленной, упрямой и сильной, подобной ульяновской, – имела такая же волевая и продуманная программа, как в зловеще приснившемся выступлении Государя Императора, то у миллионов граждан – в масштабах изуродованной страны – были бы отличные шансы на спасение от первой мировой, затем от полупьяной революции, кровавой гражданской, хлада, глада, мора, сегодняшнего террора да прочего абсурдистского бреда всех ужасов диктатуры генерального параноика и его соседей по кремлевской палате номер 666 имени Антихриста... ко всему прочему, наши бесноватые дьяволята берут пример с фюреровских, а те – с наших – именно все они пожирают друг друга... детям же с малолетства – представьте себе – скармливают черт знает что, вплоть до сталинской конституции... дальнзоркий Паскаль правильно заметил: *„В нынешних школах преподают все кроме порядочности“*... впрочем, Запад тоже хорош в смысле допотопных принципов воспитания входящих в жизнь умов и душ... вместо неперемного – с детского садика, с первого класса – постепенного ознакомления школьников, потом и студентов, с основами тактики и стратегии высоконравственного поведения в различных ситуациях личного существования и в культурно-политической жизни общества – вместо всего такого та же многовековая зубрежка, казенность традиционного преподавания, наращивание мускулов и внешне вежливых манер поведения... все это отвратительно искажает представление подростков о сущности нравов и жизненного поведения человеческой личности, в которой, вопреки всем попыткам Преображения, горестным урокам истории и прекраснотушным положениям мечтательных гуманистов вечно дремлет человекозверь... и это после поучительной трагедии России, где зло лукаво рядится в добро... наоборот, „большие друзья Советского Союза“ раболепствуют перед палачем якобы с трубкой мира во рту и сочиняют прекраснотушные легенды о СССР – светоче мира и счастья для народов планеты... неужели моря крови, пролитой и проливаемой с семнадцатого, так и уйдут в песок, уйдут впустую?».

Неожиданно А. В. Д. ужаснула мысль, пришедшая в голову впервые за всю, как склонен он был полагать, жизнь, видимо, взявшую финальный разбег к очень скорой – к неотвратимой смерти.

«Господи, прости и помилуй грешного мя... а вдруг при воплощении Замысла в Промысел, то есть еще до эволюции – возможно, всего-навсего в одной из ее многочисленных стадий – Ты допустил некую ошибку?... что тогда?... расплачиваться-то за нее придется не „круглым счастливицам“, а всем поколениям людей, создававших, ныне создающих нашу трижды проклятую историю, изначально конкретные смыслы, главное, цели которой

никогда не были известны людям... временами она кажется совершенно самоубийственной и задумываться о ней нет сил – столь неимоверно ожесточены, кровавы, подлы, глупы и нелепы дела человеческие... конечно, баснословно ускоряющееся – благодаря свершениям разума и людским делам – развитие цивилизации восхищает сознание прекрасными плодами: приручение огня, колесо, литье металлов, агрономические новации, блестяще искусства, научные достижения, технологические чудеса... но нельзя же не заметить, что эти сладкие, подчас восхитительно прекрасные плоды выращены не усилиями „широких трудящихся масс“, но в общем-то выдающимися гениями-одиночками или коллективами ученых и конструкторов... Господи, Тебе есть кем/чем гордиться и восхищаться, но все эти плоды довольно странным образом встают и ныне, как всегда вставали, на службу и простым, и отлично образованным, всесторонне воспитанным людям, в которых внезапно просыпаются человеко-звери, пожирающие друг друга так, как это происходило тьму тысяч лет тому назад... основываясь именно на этом первобытном животном свойстве, вьёвшимся в кровь, плоть, память – в наш генотип – все предводители человечества, доктринеры различного рода утопий, распада, смерти, разномастные идеологи террора, экстремизма, политиканы, деятели, прости Господи, „искусства“ ведения войн, управления разведками, акулы финансизма, промышленности, коммерции и жрецы идолопоклонничества – все они насильно гонят свои покорные народы в мясорубки вражды, очередных противостояний и войн... в мирные же времена всячески поощряют такие коммерчески выгодные, сублимированные, но тщательно закамуфлированные формы взаимопожирания, как конкуренцию, спорт, культ мод, порнографию, киноужасы, литературные подделки о насилиях, убийствах, мошенничествах, аферизме, шантаже и так далее... и все эти отлично оплачиваемые деятели, не переставая активно злодействовать, безнаказанно обитают среди нормальных, мирных, добропорядочных, трудолюбивых, здравомыслящих и, как бы то ни было, преобразованных человеческих особей... более того, скромные особи – нормальные граждане, в их числе и я – презируют любого рода политиканство и занимаются вполне полезными мирными делами... жаль, что не привык и не умею матюкаться... и вдруг – вдруг все мы оказываемся втянутыми в самоубийственные авантюры человеко-зверей, пришедших к власти, научившихся выдавать зло за добро, а божественное добро употреблять во зло... взять вот меня – собственно, меня уже взяли... но я даже не знаю, за что именно они меня измордовывают, требуя подписать черт знает какие измышления о каком-то абсолютно идиотском заговоре... подсовывают какие-то сюрреальные цирки и свидетельские рожи, словно бы нарисованные каким-нибудь современным Босхом... хищники на тумбах, массовое съедение ими членов политбюро во главе с родным отцом, другом и учителем товарищем Сталиным... я бы с удовольствием облевал „широкую грудь осетина“ и форменного людоеда, но, по многим причинам, никогда не возглавил бы против него „заговор профашистской науки, так называемой генетики“... вот в чем „Дело, номер 2109“... будь же все они прокляты вместе с их революцией, террором, основоположной, от слова „ложь“ и классовой борьбой... всего подлежащего проклятью, не перечислить... раньше надо было проклинать все такое... причем, не в одиночку, а коллективно – соборно, как говорят наши богословы... Впрочем, в истории никогда не бывало и скорей всего не будет добросовестного воплощения в реальность идеального, а вот принимаемое политиками за идеальное всегда мечтает стать воплощенным любыми способами в реальность... в результате – сижу, полумертвый, в той же камере, в которой парился невиннейший и добрейший из людей, великий поэт – поэт настолько свободолюбивый, что бесстрашно бросил перчатку с левой руки рукою правой прямо в рябую рожу убийцы... жаль, очень жаль, что уже не додуматься до того как подохнуть: кто прямо виноват в безумных нелепостях человеческой истории?.. и вообще, кто она – предначертанный роду нашему путь, или бездорожье, за пределами которого разверста пропасть в ничто?.. разве допереть почему невинными жертвами истории всегда были,

есть, правда, не ясно до каких сроков будут ими оставаться не только люди, занятые нормальными делами существования, но и растения и животные – вся биосфера Земли... мог ли я, полудохлый и изуродованный, когда-нибудь представить себя валяющимся на тюремной койке и – до сладостно-горькой боли в душе – жалеющим, что я не рыба, не птица, не слон, не тюлень, но двуногий разумный человек, невыносимо завидующий всем нелегким основам существования братьев наших меньших?... их труд – продолжение жизни и размножение себе подобных... они себе живут, друг друга пожирают и, слава богу, не осознают, что таков уж их строго иерархический порядок природной жизни, то ли установленный, по мнению теологов, Творцом, то ли самосоздавшийся, то ли, на взгляд позитивистов, развившийся по загадочной воле природы без всяких вмешательств в ее дела Св. Духа и прочих „мистических штучек“... инстинкты сохранения вида и рода предостерегают животных об опасностях, помогают им оставаться живыми и сытыми, упасать детенышей от гибели и проч. и проч... кроме того, в отличие от людей, звери стараются уважать свою территорию и в меру сил защищать оную, не посягая на чужую... пожирают же тех, которых удастся завалить, поймать, сожрать, но не больше, чем требуется для поддержания сил и кормления потомства... мысля наивно и инфантильно, но звери никогда не устраивают ничего напоминающего образов зла, сотворенных людьми... какой – до „полного торжества“ эволюции – была миллионолетней, а то и старше, история китов, слонов, львов, рыб и птичек, такой и останется, если, конечно, многие из них не попадут в список уничтоженных людьми и ясно почему вымирающих видов... а человеко-зверь, спящий даже в сравнительно преобразенных людях, продолжает неистовствовать, побеждая не только все Заповеди, свыше данные Божествами и Пророками тем же людям, но и все здравомыслие, весь жизненный и духовный опыт, накопленный культурами... люди как неистовствовали, так и продолжают неистовствовать, но теперь уже ради целей, несравненно более низких, чем надобности первосуществования... причем миллионы людей питаются не мудрыми преданиями старины, не свершениями гениев искусств, не здравым смыслом, не помыслами души, а псевдомифами, сочиненными умственно ненормальными политиками, идолами финансизма, промышленности и честолюбивыми жрецами новейших утопий, с их мудацкими планами мироустройства... вот и валяйся, А.В.Д., отдохни слегка от выбивания из тебя черт знает чего стахановцем органов Дребеденем... валяйся и думай: кто виноват?... Творец?... Природа?... может быть, виновна случайная мутация, вызвавшая к жизни непредвиденные особенности саморазвития человеческого разума, который со временем научился не только реагировать на каждое из свойств окружающей действительности, но и осознавать их, делать практические выводы, затем уж абстрактно мыслить и создавать как прекрасные, так и самоубийственные идеи, соответственно, воплощая их в жизнь?»

Мысли утомили и без того обессиленного арестанта, терзаемого душевной и телесной болью; он забылся, потом очнулся и, несмотря на усталость, подумал:

«Точных ответов на такого рода вопросы нет ни у философов, ни у науки... поэтому все недоумения вопрошающей личности следует формулировать точнее: *кто виноват в том, что ты здесь-и-сейчас, то есть в пространстве и времени бытия, которое, по идее, вроде бы должно быть укромным для тебя лично гнездышком отдохновения от трудов существования и местом выпестывания продолжателей рода, а оказалось горчайше ядовитым плодом той самой, некогда желанной твоему разуму, революции?*... истинно правильным, может быть только один покаянный ответ: *„Неопровержима моя личная вина во всем случившемся и с Россией, с моими близкими, со мной, с теми, кто не имел никакого касательства к поганому политиканству“*... сей ответ повторю сам себе за секунду до пули в затылок, хотя предпочел бы встретить смерть открытым глазом... Господи, помоги, Мать Пресвятая Бого-

родица, не оставляй, – дай вызволить близких из-за решетки... ну а совсем уж напоследок, если повезет, подумаем, А.В.Д., о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви... душа согласна с ясностью многого из того, казавшегося ранее смутным и неразрешимым, что открылось только здесь недалекому моему уму, вольно и невольно принимавшему участие в самоубийственно массовом преступлении прошлых дней».

5

Спал арестант, как только что расстрелянный; утром, после «приема пищи» его навещал Дребедень, пояснив, что ситуация неординарна: его визит в камеру одобрен самим наркомом; одет он был в штатский костюм с жилеткой; бросалась в глаза чуждая этому живодеду снежно белая сорочка, бездарно повязанная заграничным галстуком, явно сдержанная с чьей-то бывшей выездной вышней... тем не менее, в личине молодого садиста было нечто от донельзя озлобленной – прости несчастное собачье племя! – дворняги с холодным человеческим сердцем, пересаженным одним из учеников академика Павлова, отчего самодовольное Дребеденище выглядело чучелом, перепуганным самим собой – гнусной помещью мертвоглазого бюрократа с шестеренкой массового террора и лубяньских бесчинств; словно бы вынужденное принять сошествие с неких эмпириков в моргообразную одиночную камеру, в самый центр первого круга всей этой истинно человеческой, какой и положено ей быть, трагедии, – это чучело прямо-таки источало из себя смрад превосходства, несоизмеримого с положением покалеченного арестанта; А.В.Д. чуть было не рассмеялся: так смешон был вид Дребеденя именно в этом – не беднячки нищем и все-таки благородном жилье – а в полностью обездушенном, то есть адском, пространстве железобетонной безысходности; главное, одна из многих камер бесчисленных тюрем на земле подавляла душу отсутствием в ее стенах всего Божественного и, наоборот, пришибала ее, абсолютно неповинную, присутствием злобного торжества ничтожных двуногих, жалко глумящихся над высочайшим из земных и вселенских качеств; А.В.Д. мельком подумал о брошенном сюда, в эту камеру, великом поэте, безусловно, взмывавшем над унылой тупиковостью серых стен и возвращавшемся к блаженным раздумиям о гениально поэтических картинах Дантовской преисподней...

Дребедень мельком взглянул на арестанта; мысленно отметил «факт некоторого наличия заживающих следов долго запекавшейся крови на черепе, физии, шее и руках».

«Нормально, – подумал он, – у скотины перевязано ухо, полуоторванное моими молодчиками... забинтован глаз, сгоряча, хули говорить, выбитый из этой дворяно-кадетской, если не жидовско-эссерской, мрази моей психованной обувкой... а потому что нЕ хера, понимаете, молчать, финтуя с рыцарями и ударниками дзержинского меча – не в футбол режимся, а противостояю в борьбе классов... арестовывают не для молчанки... второй, видите ли, глаз заплыл и правильно сделал, заплывай – чем зря ебаться со своим микроскопом в башне из слоновой кости, откуда тебя сбросили... царизм тоже сброшен не для того, чтобы дознание производилось в белых перчатках... или мы вас, или вы нас, третьего пути нет, четвертому же не бывать, если переиначить лозунг махровой реакции правого и левого шпионо-диверсантских уклонов».

Взгляд руководителя предварительного, одновременно окончательного, следствия походил на профессионально взыскательный взгляд, скажем, художника или ваятеля, с интересом брошенный на незрелый плод своего вдохновения и рук своих, готовых к завершению сложного творческого процесса.

– Выглядите вы сегодня поприличней... сверху получено «добро», так что оба предложения будут приняты, если окажется, что игра стоит свеч, как раньше говорили попы... точнее, авансовая с вашей стороны информация должна быть не фуфловой, а ценной, то есть намного превышающей стоимость наличной вражеской жизни, а так же благополуч-

ного прибытия семьи в логово английского империализма, на что нам наплевать... что трое мертвых, что трое живых – один, как говорится, шаршавый... не бздите, рано или поздно, но однажды мы войдем и в Лондон... если же распознаем хитромудрую темноту с чернотой, то вам что? – может быть, напомнить о ленинско-сталинском указании по поводу полезного для партии и народа соотношения нужд принципиально классового следствия с вашей вонючей кадетской моралью, выброшенной на помойку исторической необходимости, так?... или вы хотите одноглазо понаблюдать, как, культурно говоря, имеют то вашу супругу, то дочь, причем, в особо извращенном виде?... а ведь поймет их не местный наш Лука Мудищев, а ваша же немецкая овчарка... таково последнее распоряжение высшего начальства... да вы у меня, еще раз подчеркиваю, и до эффективного воздействия запоете как миленький, а то наглеете и выйбываетесь, прям как этот... вот оторвут яйца и тенорком завизжите козловскообразным, а не в согласии, понимаете, с шалашинским антинародным басом... сапоги вылизывать возьметесь и просить пощады... даже смерть вымаливать начнете, когда теми же елейными свечами примемся подпаливать подмышки, выжигать пах, ну и, само собой, иметь женских субъектов следствия в вашем обязательном присутствии... повторяю, обожаемая вами овчарка находится в нашем питомнике... она вот-вот пройдет дрессуру и тренаж, и мы ее, гадость кусачую, тоже вызовем на допрос в качестве стимулятора дальнейших показаний насчет сущности данного «Дела»... у нас, если хотите знать, запевали и сознавались во всех преступлениях и мотивациях заговоров орлы почище, чем вы, воробей ничтожный, некий А. В. Д. из НКВД... ясно излагаю?

Арестант отвечал неторопливо, тихо и с большим трудом, но мнения свои выражал предельно четко, иногда иронически, – таким уж был его нрав.

– Нисколько не сомневаюсь в ваших застенчивых, от слова «застенок», возможностях, сочетающих в себе полноту бюрократичной процессуальности следствия с его же беспредельной незаконностью... больше не собираюсь взывать ни к вашей совести, ни к страху божьему... пытайте, верней допытывайте, ведь злодейские пытки, к моему счастью, а вам назло, не бесконечны... насилуйте двух невинных, абсолютно ничего не знающих о моих делах, уродуйте божественно чистую психику собаки... ей богу, я почему-то больше боюсь именно за вас, чем за всех нас четверых... а удивление – и как чувство, и как мысль – во мне уже убито, оно мертво... что бы вы не делали – не услышите от меня ничего кроме завершительных стонов и звучания зловонных газов, напоследок испускаемых трупом, что часто случается, но, к счастью, уже не будет иметь никакого моего касательства к сути жизни и смерти... неужели, гражданин следователь, вы не доперли, что я один из редких монстров, рожденных со способностью претерпевать любую боль?... если сие не дошло, то попробуйте выбить еще один мой глаз, вживую содрать со спины кусок кожи, забить иголки под ногти... но, поверьте, лучше бы вам не набычиваться, не выкаблучиваться и не устрашать... не то будет поздно – по головке вас не погладят... и раз уж я принял решение, то это я его принял, а вовсе не вы, за что и заплатите требуемую мною цену... если проигнорируете, то обрисую вкратце ваше будущее: следом за мной подохнете и вы сами, как подыхали ваши предшественники и, я в этом уверен, будут подыхать наследники этого кабинета... не забывайте еще об одном условии: собака тоже непременно должна выехать за пределы родины светлого будущего вместе с моей семьей – сие условие не подлежит обговору.

В мрачной одиночке, как после прочерка молнии безмолвной, возникло предгрозовое молчание; с минуту и арестанта и скучные стены камеры ублажала необыкновенность тишины, родственной неоглядно надмирным бескрайностям, а не уныло стиснутым помещениям тюрьмы.

– Не надейтесь, не спровоцируете нервоз мего терпения, гражданин Доброво, поэтому не выябывайтесь, как-никак преступно являетесь дворянином, а не шаромыгой с Трубного рынка... мы тут специально реквизируем заграничную каталку у парализованного врага народа и конструктора многопрофильных фрезерных станков Иорданского, ранее продавшего за таковую коляску секретные чертежи, наплевав, понимаете, на героев гражданской войны, тогда как оные, черт бы его побрал, принадлежали не хую собачьему, а родине первого в мире государства рабочих и крестьян!

– Вы забыли о военнослужащих, войсках НКВД, а также о научной, технической и художественной интеллигенции.

– Я о вышеназванной шатии-братии не только не забывши, но через час состоится наш серьезный разговор, так что соберемся с мыслями, считаем их своим единственным багажом, когда услышим: «Доброво, на выход!»

– Отлично, но учтите: разговариваю только с вами, могу и с вашим наркомом... вы уж на всякий случай подстрахуйтесь и сообщите ему о чрезвычайно важном для науки, разумеется, для государства рабочих, крестьян и интеллигенции вопросе... иначе сядете в лужу моей кровичи.

– Я бы на вашем месте выражался покультурней... надо советовать не «подстрахуйтесь», а хотя бы «подстрахерьтесь», дворяне хУевы.

Дребедень не без удовольствием покинул камеру; вскоре два хмуровато настроенных конвоира привезли арестанта на заграничной каталке, с очень удобной подножкой, прямо в кабинет; в каталке же А. В. Д. пожелал давать показания, ибо скулы сладостью свело, когда он представил себя в детстве катящим на такой вот агрегате по коридорам огромной квартиры, которую его воспитатель, студент сочувствовавший кадетам, именовал «трехъяростной».

Словно не замечая присутствия А. В. Д., Дребедень с довольно хамской демонстративностью не спешил с вопросами, а общался с одним из своих шестерок; развалившись в кресле, он праздно и весело, что называется, гуторил на привычном для него нелюдском языке.

– Ну а, если не выдрючиваться и не увиливать от правды, то как твоя, Шишанин, баба функциональничает в новобрачном обзоре внутрисемейных авансов?

– Согласно анекдоту, товарищ капитан, стирать-стряпать ну ни хуя она не умеет, а ебаться – руки золотые;

Все они загоготали, а А. В. Д., как это ни странно, оценил простонародный житейский юмор, небесно далекий от смердыни его положения.

– Доказательства будем излагать сами? – очень важно и с интонацией торжественности произнес наконец Дребедень, держа «ВЫ» на большом от себя расстоянии.

– Пардон, но у меня дрожит рука, подозреваю разрыв сухожилий... вы же по—ворошиловски бьете прямо в точку, как передовой прозектор, он же паталого-анатом... пожалуй-ста, не забудьте, что я, как порядком подзагнивший интеллигент, остро нуждаюсь в помощи врача... если меня хватит кондрашка, в первую очередь подумайте о себе.

– Сначала – к «Делу номер 2109», поэтому выкладывайте все данные по следующему существу такового, доказанного уликами свидетельских показаний честных граждан, патриотов социализма и дальнейшей, понимаете, бесклассовой формации.

А.В.Д. чуть было не вскрикнул из-за боли в губах, невольно растянувшихся в улыбке – так его рассмешило косноязычие казенной речи, по-щенячьи злобно таскающей за хвост суровый, однако по-отцовски терпеливо настроенный Язык.

Первые показания действительно «запавшего» гражданина Доброво, сделанные так быстро, словно он стремился резко оторваться от собственной совести, постоянно его преследовавшей, были коротки, полны артистично разыгранного брезгливого к себе презрения и, естественно, ненависти к своему вынужденному предательству.

– Ну что ж, раз так, то начнем... я имел потайную комнатку, Уланский переулок, дом 4, квартира 2, ключ от нее изъят вместе со всей связкой... не забудьте, мне нужен укол, снимающий дрожь в руке... да, да, это он, тот самый ключ, именно он... первый этаж, я входил прямо с улицы... пользовался только кухонной плитой и туалетом, ни с кем из соседей не был знаком – всего лишь «добрый день», «добрый вечер», «с праздничком вас, с седьмым ноября».

Вдруг он неожиданно взорвался, дотянулся до стола и ударил по нему обеими кулаками, потом бешено – по методу Станиславского – выкрикнул своему палачу:

– Ключевые, подчеркиваю – клю-че-вы-е! – показания получите только после звонка тестя и нескольких последних слов неопременного прощания с Екатериной Васильевной и Верочкой, а собака должна залаять, я услышу и пойму... да, да, только тогда – ни в коем разе не раньше – зарубите себе это на лбу, гражданин с будущими звездочками комиссара любого ранга... извините за вспышку... *мне необходима папироса и стакан какой-нибудь воды ну а ваши все вонючие вопросы мне как говорится до балды* – есть такая белогвардейская отчаянная песенка.

– Пейте, курите, наебаловка не в интересах органов, имею в виду обман, но в результате не выкаблучивайтесь вроде залетной целки, попавшей, понимаете, в приличное отечество... вот, блядь, оговорился, а говорил о обществе... это нервы, нервы, нервы!.. или же, пусть меня расстреляют, я так на вас осерчаю, что возьму и расскажу, как незабываемо поимел прямо на царском троне бывшую фрейлину в самом что ни на есть Зимнем – ух, это была не бабчик, а однозначный рябчик, он же ананас... но такое легендарное событие почему-то бесследно исчезло в «Истории ВКП (б) «... хер с ним – в материалах всех человекодел много чего исчезает полезного и положительного для царей и народа, который якобы творец этой вашей истории... мне, прямо говоря, насрать на любой научный факт, раз главное сделано, а такие, как вы, мешают одолеть препоны, являясь диверсантами и шпионами в пролетарской науке.

А.В.Д. успокоился, давая понять, что все осознал, а ранее психанул, не выдержав мучений, и, как видите, полностью сломался.

Глотнув водицы и с жадностью затянувшись дымком, он незаметно расслабился; однако, не забывал о великом Станиславском, неслыханно – во всемирном масштабе – усовершенствовавшем систему профессионального лицедейства; расслабившись, он старался не выходить из образа человека, сломленного собственной слабостью, несчастьем близких, судьбой, трижды проклятой властью и абсурдностью уродливых времен.

На самом-то деле он лишний раз утвердился в желании непременно вырвать из лап живодеров жизнь и свободу жены, дочери и любимой собаки; тем более, игровая тактика поведения в омерзённых этих стенах заранее была им обдумана, много чего было учтено – вплоть до вроде бы ничтожных мелочей, всегда готовых стать козырями, вплоть до пешек, рвущихся в ферзи.

6

Комнатушка, адрес которой, после якобы мучительной внутренней борьбы, пришлось выдать, принадлежала Игорьку, близкому А. В. Д. другу детства, способнейшему физику, посланному Академией наук – понятное дело с ведома всевидящих глаз и всеслышащих ушей – на учебу в Англию; там Игорек твердо решил остаться, ибо, несмотря на блистательное начало карьеры и различные привилегии, сыт был кормушкой по горло, ибо жил, работая в зловонной, как бы то ни было, атмосфере показушного энтузиазма и неслыханного, не поддающегося осмыслению оболванивания миллионов людей; наверху решили, что ему необходимо поучиться-поработать в лаборатории всемирно известного гения, поставляя органам необходимую стране информацию о устройстве тайных внутренних структур микромира; он сделал вид, что нисколько не обрадован, а, совсем наоборот, огорчен временной разлукой с «оплотом светоча коммунизма»; умело скрыл полную готовность подохнуть на свободе, – чем продолжать жить в стране, заключенной в горячие объятия дорогого отца, друга чекистов и учителя нового советского человека.

Ту комнатушку, каким-то чудом имевшую выход прямо в Уланский, А.В.Д. заблаговременно и как следует декорировал под явку, где хранились различные «секретные» документы, «ошеломительно современные» данные экспериментальных исследований и прочие «улики»; там тайком от всех, главное от жены и дочери, дожидаясь как лучших, так и худших времен, не стесняясь громких заголовков, он целый год писал свои научные статьи, к примеру, *«Клонирование индивида – залог его практического бессмертия»*, *«О некоторых прикладных возможностях геной инженерии»*; начисто отлученный от лабораторных исследований и технологических новинок, не забывал и о важном теоретическом труде *«Проблемы расшифровки молекулярной структуры ДНК как носителя генетической информации»*; но его арест *«как видного спеца по вражеской антинауке, прикинувшегося рядовым ботаником»*, судя по выступлениям на собрании НИИ разных сволочей, был неизбежен; короче, пришел момент, к которому А. В. Д. долго готовился; он вовремя позвонил Игорьку по международному из телефонного центра на бывшей Тверской; поздравил с наступающим Первым Мая, выдал благопристойный анекдот про шалавого мужа и коварную супругу; старому другу стало ясно, что он может начинать «бракоразводный процесс с самой демократической в мире страной из-за полного несходства характеров»; без всяких слов до друзей дошли прощальные смыслы шутивого, возможно, последнего в их жизни разговора; жена и дочь действительно ничего не знали; лицедействовать, как это вынуждены делать любители пошляться, А.В.Д. было нелегко и поистине трагично; он был верным мужем, хорошим отцом, а жена и дочь явно думали о нем черт знает что; это сообщало уму и душе тягостное чувство невыносимой вины, мешавшее жизни и работе; но поддерживал, во-первых, безотлагательный долг обезопасить ближних, во-вторых, попытка спасти их ценою собственной жизни; в-третьих, он все-таки имелся – всего один шанс на удачу, другого, увы, не существовало, а предавание всякого рода иллюзиям он с некоторых пор презирал и ненавидел; все детали смертельно опасной мистификации были вовремя обдуманы и подготовлены т к «взрыву», а копии всех работ отлично – возможно на долгие годы – припрятаны; главное, Игорек, его друг, сумел переслать через какого-то из здешних посольских чинов письмо с чистым бланком одного из английских научных журналов; он быстро состряпал на институтской машинке, имевшей латинский шрифт, официальное приглашение выступить в авторитетном журнале с очень важной для современной науки статьей о перспективных, возможно революционных, исследованиях в генетике; разумеется, написал перед самым арестом черновой ответ, в котором поблагодарил за приглашение и ясно, но дипло-

матично, дал понять, что, к большому своему сожалению, считает преждевременной публикацию за рубежом недостаточно, на его взгляд, убедительной статьи о своих теоретических воззрениях, а также о методике соответствующих лабораторных исследований; через несколько дней энкэвэдэшники взяли его на домашней квартире, устроили долгий обыск, даже сорвали обои, перепотрошили все, что можно было перетормозить, и вспороли собачий матрац, но не нашли ничего уличающего – ни оружия, ни писем, ни книг, ни рукописей; слава Богу, все его близкие были в деревне.

Руководитель группы Дребедень зловеще и задумчиво заметил в тот раз: «Гражданин Доброво успел прилично закомуфляжиться, ну что ж – тем для него, интеллигентишки сраного, еби его мать совсем, намного хуже...

Возможно, от безумия, затягивавшего в глубь бездны неизвестности и безысходности, А.В.Д. в тот раз спасла одна из десяти заповедей «ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО КАК САМОГО СЕБЯ»; внезапно и не так уж случайно воспринятая им по-новому, она отвлекала от наконец—то случившегося ужаса.

«Ведь я всегда чувствовал, – думал он, – что взыскующий смысл этого основного жизнеустроительного завета слишком идеален, максималистичен и больно уж надмирно вознесен над реальными возможностями все еще диковатой, несовершенной психики большинства двуногих, и моей тоже, поэтому он практически невыполним... несмотря на всесильность Времени, чего только не испепеляющего в прах, – эта твердейшая из Максим не подвержена действиям стихий Времени, ее содержание – как кубик инопланетного вещества, совершенно неподъемно и для людей простых и для достаточно просвещенных... поэтому она вызывает недоумение не только в натурах аристократов духа, но и святых отшельников, праведников монашества, светлейших священнослужителей и т. д. и т. п. ... и такого рода недоумение, добавим, никогда не бывает душевным... великие религии, традиции морали и культуры веками пытаются привить/прирастить эту максиму к нашей психике, но, будучи жестоковойной, психика упрямо отторгает ее от себя и, словно бы назло, на каждом шагу демонстрирует свои человекозверские наклонности, причем, под лукавейшими из лозунгов – под лозунгами Добра... короче, смысл пяти великих слов продолжают оставаться непосильным для восприятия людским Разумом, свой у которого нрав, свои, зачастую, серьезно мотивированные резоны быть возмущенным... к тому же, почвы много трудного пути человечества – неизвестно зачем, непонятно куда ведущего – отвратительно загрязнены бездушием и безнравственностью, недостаточно *удОбрены*, неприлежно прополоты... хоть всю свою жизнь вопи и вопрошай: „Доколе, Господи, доколе?“ – не дождешься ответа насчет сроков начала произрастания на сих злосчастных почвах любвеобильной человечности... ты вот рассуждаешь, судишь чуть ли не весь род двуногих, а сам-то, сравнительно преобразенный, – способен ты любить как самого себя кого-нибудь, кроме жены, дочери и пса?... да никого больше и не способен ты любить, потому что и твоей натуре далеко до полного изведения из нее человекозверских наклонностей... между—причим, с промочкашечной личности Дребеденя, пропитанной кровью и невинных и виновных – меньший спрос, чем с твоей научно—интеллигентской... сначала революция и гражданская бойня, затем работа в ЧК разбудила в самодовольном полуживотном прапрапращура, тысячеклетицами дрыхшего себе беспробудным сном и отлично продрыхшего бы до конца света... но тут начались катаклизмы истории, естественно, всегда имеющие чисто человеческое происхождение... „необъезженный“ примат быстро вскочил на обе задние лапы, затем радостно спрыгнул с какой-то из предпоследних ступенек эволюции и – надо же! – угодил прямо в самую клоаку террора... и вот – здравствуйте, я ваша тетя! – по эту сторону письменного

стола сидит человек, сравнительно преображенный, а по другую сторону – нормально при-
барахленный человекозверь, даже и не думающий подмаскировывать свои допотопные кан-
нибальские наклонности».

Удивительно ослепительное – в гнетущей тьме ареста, переезда на Лубянку в воронке,
унизительных шмонов, отчаяния – прозрение А. В. Д. было кратким, красивым и открыва-
ющим зеленую улицу постепенному воспитанию действительно нового – психологически
и нравственно – вида человека, что решительно притормозило бы движение народов в поги-
бельные тупики истории, уже сегодня пованивающие уничтожением природы и приближе-
нием конца света».

«Нет, нет, дело не в любви к ближнему... нелепо же взывать к выполнению долга
любви родительской, сыновьей, братской, до гроба брачной, гражданской, просто благо-
дарно признательной за случайно данный дар существования и любования красотой Творе-
нья – она либо есть, эта любовь, либо ее нет... насильно – ни ты никого не возлюбишь, да
и тебя не полюбит никто из людей и животных тварей... я биолог, черт побери, почему же
раньше до меня не доходила необходимость по-иному воспринять заповедь?... уверен, она,
сообразно с желаемыми действиями, должна была бы быть доходчиво основанной и на ясно-
сти языка, и на высоких свойствах нашего сознания, особенно, на тех же биологических
законах существования, которые с давних пор управляют определенными инстинктами всех
видов Флоры и Фауны – именно они, эти могущественные инстинкты, поддерживают непо-
колебимость гармонической упорядоченности, царящей в биосфере планеты... **„БЕРЕГИ
БЛИЖНЕГО КАК САМОГО СЕБЯ!“** – вот как, если не ошибаюсь, должна звучать практи-
чески выполняемая максима заповеди, обращенная и к богопослушной душе и нашему, мягко
говоря, несовершенному разуму... то есть она обращала бы взгляд недостаточно преобра-
женных существ – безусловно, все еще изводимых призраками прошлого – на врожденное,
образцово инстинктивное практическое поведение представителей любого из животных
видов к своим близким сородичам – к братьям нашим меньшим... тогда многие из нераз-
решимых этических проблем бесчеловечного человечества разрешались бы не так, как раз-
решались вчера или разрешаются сегодня, а с безусловно природным уважением чужой
территории и следованием родовому зову самоотверженной борьбы с врагами потомства,
с многообразными опасностями жизни... не это ли мы наблюдаем в жизнедеятельности рыб,
амфибий, птиц, диких зверей, зверюшек и еще меньших тварей? – ведь, кроме всего прочего,
во чреве матерей, наши зародыши месяцами одолевают неисчислимо долгие стадии разви-
тия некоторых из них».

Вскоре – после размышления, спасительного в тот миг для психики – уже в стоячем
карантинном пенале, затем на первых допросах, А.В.Д. заметил, что он с любопытством уче-
ного наблюдает за отвратительно человеческими, не укладывающимися в сознании, пове-
денческими замашками рядовых тюремщиков по отношению к нему, такому же двуногому,
яснолицему, говорящему современнику, брату, если не по культуре, то по родимой нации,
в конце концов, по родному языку, в конечном счете – пропади он пропадом – по разуму,
более жестокому к ближнему даже тогда, когда – вот что самое удивительное – не беспро-
светно темен он, а более или менее просвещен.

«Если уж, как считал великий Гойя, сны разума рождают чудовищ, то для описания,
классификации и систематизации чудовищных безобразий, творимых – на яву, здесь-и-сей-
час – не душой, не сердцем, а бодрствующим разумом, производящим идеи, не нашлось бы
слов ни в одном из благородных Языков, а красок – ни на одной из палитр, музыка же,

как душа, немотствовала бы недоуменно... причем, по причине изначальной инородности добра тому злу, которое способен измыслить на яву и воплотить в нечто геенобезОбразное человеческий разум, на каждом шагу подставляющий Дьявола вместо себя и валящий на эту фигуру все, называемое Злом... причем, человечество – унаследовавшее от предков шедевры поэзии, философские прозрения титанов мысли, мудрость богословов, достижения гениев наук – словно бы намеренно избегает руководствоваться наставлением великого врача Гиппократ: „... **только Разум является источником безумия и бреда, страхов и ужасов, которые нападают на нас и днем и ночью**“ ... да я и сам только что вспомнил эту сверх простую, сверх очевидную мудрость».

Вид у размышлявшего А. В. Д. был таким отстраненным от всего и вся, что Дребедень начал беспокоиться и сказал своим шестеркам: «Уж не тронулся ли фигурант, навроде того начальника пароходства?... тыркните ему что ли нашатыря в сопатку!»

7

– Наличие у себя комнатухи, – очнулся и снова «запел» в этот момент арестант, – я, по понятным соображениям, держал в совершенной тайне от жены, что и вызвало ее ревнивое подозрение в наличии у меня какой-то бедрастой пассии, а затем привело к частым ссорам – почти что к разрыву отношений... от этого, к ужасу моему, страдала дочь, еще раз подчеркиваю, тоже пребывавшая в заблуждении... согласитесь, конспирация есть конспирация... я не имел права быть теленком... благодарю за понимание частностей моего вынужденного поведения, с самого начала ошибочного... нужно уметь взглянуть хотя бы одним из органов зрения в глаза правде, очевидно, старшей сестре исторической необходимости, не так ли?... согласен с вами, что ее младшей сестрой является главная газета вашей партии, но не будем распыляться по пустякам... так вот, в той комнатухе, в правом от окна углу, под ковриком, вскройте тройку паркетин... естественно, ознакомьтесь с найденным... именной пистолет принадлежит покойному, Царствие ему Небесное, отчиму, пять лет назад погибшему в вашем учреждении... жаль, что не успел я пустить себе пулю в лоб, жаль... письма ко мне моей матери, похороненной в Праге, вас не интересуют, там вы найдете кое-что поважнее их... главное, жаль, что я – полнейший идиот! – ничего не успел уничтожить... в общем, действуйте – ваша взяла, имею в виду историческую необходимость.

Втайне восхищаясь заранее обдуманной деталями отлично начатого «Дела номер 2109», он уронил безумно трещащую голову на руки, затем продолжал:

– Из-за нервной спешки я совершенно зря и, согласитесь, более чем глупо выставил своим первым условием – сохранение лично моей жизни... первое, считайте, пожалуйста, условие – освобождение семьи и собаки, затем их высылка по месту жительства тестя... что касается меня, то Бог со мной... я просто очень хочу жить... вам понятно это чувство?... пока что вызовите врача, заражение крови в непосредственной близости от мозга может быть очень опасным... не для меня – для вас, гражданин полковник, так что не рискуйте... на сегодня хватит, поверьте, ямщик, мне нечего больше сказать, поэтому и не гоните лошадок... главные беседы – впереди.

– Да, пожалуй, на сегодня хватит... увезите арестованного сначала в медчасть, – распорядился Дребедень.

Терпеть повторную обработку глазной раны и промывание едким раствором передних беззубых десен было не трудно – разыгравшийся азарт был своеобразным наркозом; А.В.Д. мастерски сумел превратить свою психику – психику взрослого человека, стоявшего на пороге смерти и желавшего лишь спасения семьи от пыток, – в психику мальчишки, увлеченного самой игрой: в прятки, салочки, лапту, футбол, бильярд, картишки; увлеченного настолько, что мозг работал с вдохновением, знакомым всем бывалым игрокам; только где-то на его задворках мельтешила разгоряченная сожалением мыслишка начет того, что никогда ему больше не исследовать генетически причинных биохимических оснований игрового азарта и массы привычек как вредных, так и скрашивающих скукоту времяпрепровождения.

«Черт побери, – сокрушался он, – в патологическую зависимость только от курева попадали, попадают, будут попадать сотни миллионов людей... а мне каюк – прощай участие в создании фармацевтически убойных препаратов, скажем, антиигрина, антиникотина, антиалкоголина и так далее... никогда теперь уже не докопаться до тайн биохимических

«процессов века», происходящих в мозгах любителей массовых убийц и сладострастного садизма – Ульянова, Дзержинского, Землячки, Гитлера, Джугашвили и их подручных вроде тупого Дребеденя... и не найти мне гена, ответственного за выработку в этих вырожденках «тиранического гармона», соблазняющего, постепенно покоряющего, в конце концов, извращающего и губящего психику каждого из них... поэтому и гибнут ни за что, ни про что или истлевают заживо миллионы людей... меня-то лично судьба карает за дело... иначе говоря, поделом тебе, А.В.Д., за прямое соучастие в коллективном преступлении многих российских партий, сделавших возможной – к несчастью происшедшей – «великую октябрьскую»... будь я проклят навеки за соучастие в ней, за страдания всех невинных, за ужас, претерпеваемый Катей, Верочкой, Геном... если б возвратиться в прошлое – клянусь, я бы не промахнулся, как полуслепая кретинка Каплан... непременно, еще в двадцатых, взорвал бы себя вместе с рябой мразью... усы его – в одну сторону, башка, руки, ноги – в другую, фуражка с кителем – в третью... а меня самого – вовсе как не было... так или иначе, первый ход сделан, я раскололся, Дребедень клюнул – это главное... в худшем случае, его зверье хотя бы никого не станет мучать... Господи, помоги... Катю поистезают и посадят, если не укокошат, Верочку бросят в лагерь, а бедного Гена превратят в сторожевую тварь на одной из каторг «первого в мире государства счастливых рабочих и крестьян».

Его отлично накормили, дали – возможно не без изощренного намека на более жестокое «выбивание показаний» – коробку «Герцеговины Флор», легендарных папирос, *набиваемых* в трубку всесоюзно и всемирно известным идиолом «самого демократического в мире советского правосудия».

«Пусть, сволочь, набивает... плевать я хотел на сей намек – сколько бы здешняя нелюдь не выбивала подпись под признанием „активно готовившемся с помощью западных разведок покушению на светлую жизнь вождя, друга, учителя, одновременно, родного отца всех времен и народов“... тем лучше: Дребеденю вовек не догадаться, что „Герцеговина Флор“ – мистический знак правильности выбранного мною пути и еще одно подтверждение теории Юнга насчет синхронности и многозначительности смыслов удивительных совпадений, говорящих о почти непознаваемости бессознательного».

Три дня его не дергали на допросы; если бы не разыгравшийся азарт и не страдание из-за семьи и Гена, – покой был бы сладчайшим из отдохновений всей его жизни; он не думал ни о чем, кроме неведомых течений игры, рассчитанной на успех; игра сама подсказывала ему психологические финты, детали некоторых ходов и просчитывала разные тактические варианты, приближающие необходимый выигрыш; во-первых, необходимо было довести до сведения высшего начальства, если не самого вождя, неслыханно фантастические, однако пригодные для реализации результаты его исследований; все они были тайком проведены в лаборатории, НИИ еще до учиненного идиотами псевдонауки погрома в генетике; А.В.Д. маскировал их под изучение лысенковских кретинических проблем сельского хозяйства; собственные исследования неожиданно, как это бывает в науке, и привели А. В. Д. к открытию эпохальной важности; наитие говорило о том, что мощный электронный микроскоп мог бы доказать правильность умозрительно представленной структуры двойной спиралевидной молекулы ДНК – хранилища генов; вся теоретическая часть открытия была готова, описаны расчеты и эксперименты, нарисованы диаграммы и схемы сложных – логически и химически единственно правильных, по убеждению А. В. Д. – взаимосвязей в двухцепочной молекуле ДНК азотистых оснований одной цепи с азотистыми основаниями цепи второй; поэтому среди друзей-коллег ходила его шутка: «Нам, генетиками, нечего терять, кроме некоторых цепей»... все это было скопированно, хранилось у надежного коллеги, а реквизит

игры подготовлен к изъятию вместе с туфтовым приглашением авторитетного научного журнала к сотрудничеству; надо полагать, все это уже «взято» в заначке комнатухи на Уланском – ход сделан; теперь нужно ждать хода ответного; можно и повспоминать о счастье жизни, кроме того, не мешало бы поспать, поднакопить силенок: впереди полно игровых непредвидимостей.

Когда, не сумев добраться криками до «поганой этой падали», надзиратели растолкали арестанта, он проснулся, опомнился от провала в ничто и снова очень удивился полному отсутствию, обычно возникавших по ночам, сновидений; все они его просто покинули сразу после того сна о Колизее, когда и он, дебилище младое, тупой баран, согласно влился в привычно радостный, в бездумный рев подавляющего большинства прибывших делегатов и гостей; влился, можно сказать, в антицарский, в глумливый грохот подошв и каблуков по пюпитрам, в дружный хор бешеных делегатских проклятий против изоощренно хитроумных государственных инициатив и выкрутасов ненавистного самодержавия, гнусно прикинувшегося сверхлиберальным, сделавшего вид, что династическому режиму – крышка; и вот надо же – теперь он готов без конца просматривать на яву странный, к сожалению, своевременно не приснившийся сон – сон, не ставший вещим, слишком поздно начавший карать за постыдность стадного – слепого в прошлом – поведения; он словно бы подразнивал совесть А. В. Д. тезисами Государя Императора; в них таились лучшие из всех, имевшихся в те времена, возможностей и надежд для народов России, более того, Европы, Америки, Азии – всего мира; иногда А. В. Д. казалось, что в камере злорадно и иронически звучит та самая, некогда обольстившая и его, какофоническая «музыка революции»; звучит и на этот раз, как опустившаяся блядь, бесстыдно обнажает свою изначально уродливую сущность, которая – это слишком поздно дошло до многих восторженных «меломанов» – казалась невыразимой исключительно потому, что определением ее нечеловеческих качеств брезговали не только людские языки, но и истинно музыкальные звучания.

Дни и ночи отдохновения освежили А. В. Д., уменьшили боли, придали сил, но он решил «косить» и из-за чисто детского упрямства не отказываться от заграничной каталки.

«Раз так, пусть возят – на то они и лакеи усатого рябого таракана, безумно вцепившегося во власть, что оказалась в его лапах, одна из которых – подсохшая клешня».

А.В.Д. рассмеялся, вспомнив действительный случай, показавшийся невероятным анекдотом; в начале тридцатых знакомую эстрадную певицу взяли на Лубянку и стали шить 58-ую, часть 10 за *«злонамеренно оскорбительный намек в адрес высокого должностного лица государства, выразившийся в пении со сцены махрово антисоветской румбы „Кукарача“, что во вредительском переводе с испанского языка означает „таракан“*»; так в те времена тайком называли усатого вождя, уже набравшего злобных сил и возможностей, поэтому начавшего распоясываться; но времена были еще таковы, что отцу возмущенной арестом певицы как-то удалось связаться с ее поклонником, крупным чином в НКВД; тот счел необходимым тихо замять возможный абсурдный скандал, вызвавший бы запрещение всенародно известной «Кукарачи», под бодрую музычку которой тряслись в танцульках члены ВКП (б) и беспартийные обыватели; возникла опасность распространения прозвища «Кукарача» вместе с русским «Тараканом» по всем миру, не говоря уж о стране побеждающего социализма; все это подняло бы на смех самого Хозяина, и многие головы полетели бы с плеч; чекиста, идиота, дебила и амбала, делавшего карьеру, что называется, напролом, быстро сослали в далекий от центра дурдом, где и залечили до основания, а певице дали заслуженную артистку РСФСР и повысили концертную ставку...

Когда конвоиры везли А. В. Д. на допрос, он прикинул:

«Не пора ли выmaterить в кабинете стаю матерых шакалов – продемонстрировать ублюдкам опричных сил лексические потенции русской интеллигенции, которые девальвируются ежедневным использованием по пустякам?... но вот не помешают ли ругательства его замыслу?... во-первых, могут помешать, во-вторых, садиться на одну сортирную доску со всякой дребеденью и отрепьем, было бы слишком большой для них честью».

8

А.В.Д. вкатили в кабинет и... и лучше уж врезали бы ему пресс-папье «по мурлу да промеж рог» да лишили бы сознания, чем услышать то, что начал изрыгать Дребедень.

– Ну что вы скажете на данный факт яркого надувательства, Доброво, ети ж вашу мать, повторяю, совсем?.. мы быстро провели огромную работу, вызвали, понимаешь, парторга НИИ с бывшего лично для вас места бывшего же работодателя, имею в виду Полуяркина, крупного член-корреспондента биологической науки Академии наук... и вот — здравствуйте, Марь Иванна... да я положительно ее маму ебу, так как Полуяркин свидетельствует о наличии в ваших мыслях и записях слепого подражательства фашистской генетике, она же евгеника улучшения и введения в практику гитлеризма расистской теории, заклеянной ко всем хуям нашей партией и лично товарищем Сталиным... да я б ее, суку, в гробу видал эту теорию... у нас в стране не имеется никаких других неебанных теорий, кроме ленинско-сталинской... но сегодня лично я буду показательно спокоен... вы что — надеетесь оттянуть очную ставку с арестованной семьей, да?.. думаете, я, как говорится, капитан Дребедень, клюну на кусок говна собачьего, так?.. не то что не клюну, но ты, сволота, сам же им и подавишься, три раза в день жрать будешь высранное твоим же Геном, не случайно, а полностью вредительски тобою же названным назло партии и нашему народу... ты шантажировал меня какой-то угрозой, а теперь расплатишься за передышку в следствии, тут тебе не дом отдыха ученых, падла диверсучья... ты какого такого уж хуя пудришь мозги человеку, заваленному кучей различных *Дел*, ебит твою мать, еще раз повторяю, совсем?.. ключи, я сказал, выкладывай... жду правдивых ответов на вышеобговоренные вопросы по всему существу данного «Дела»... просто не понимаю, зачем я тут с тобой валандаюсь?.. меня сам Нарком поднял на смех... я же тебя просто растопчу в кровавую пшеничную кашу — и все... через неделю — санаторий на носу... говори или прибью сию минуту на хуй!.. весь отдел — ко мне, зажрались отродья гадовы!..

– Отмените свое распоряжение, больше ни словечка в адрес моей матери и не тыкайте, я выскажусь поконкретней.

– Отставить «весь отдел ко мне!»... но не вздумаем пудрить мозги — немедленно растопчу и их, то есть вашинские, и самого туда же вместе с ними, а сапоги свои подпорченные выброшу ко всем хуям куда подальше... мы здесь все находимся на коллективной нервной работе включительно с врагом народной науки в вашей физиономии, обязанной сотрудничать с органами следствия, согласно, сволочь, чести, доблести и героизму труда.

– Именно так я и стараюсь действовать, но вы совершенно зря привлекли к чтению моего труда Полуяркова... это моя ошибка, я сделал глупость, полагая, что, найдя рукопись, сначала вызовете меня, а уж я порекомендовал бы вам всесторонне эрудированного и более беспристрастного консультанта, чем подлинный враг науки, подлысенковское ничтожество парторг Полуярков... вам самому, без ведома специалиста, то есть без меня, высших чинов и, скажем, одного заинтересованного лица — *вы знаете о ком именно идет речь* — не удастся ни понять, ни внедрить в жизнь революционное открытие, смею считать которое, если не сменяющим, то существенно обновляющим нынешнюю научную парадигму... парадигма, извините, это система устоявшихся основополагающих образцов в науке, в том числе марксистской, в искусстве и, если угодно, в практических действиях НКВД, поскольку здесь у вас давно уже не пахнет ни полицией, ни жандармерией, ни юриспруденцией как таковой,

а гнусно разит мясокомбинатом имени Ивана Грозного... и больше не смейте тыкать, черт бы вас побрал вместе с петлицами!

– Это как же прикажем понимать – как зловредную подъбку? – несколько растерялся Дребедень.

– Нет – исключительно как позитивное замечание.

– А если, допустим, в самом что ни на есть ленинском плане нам надо еще триста лет ебаться, верней, учиться, учиться и учиться, то какими же еще могут быть у вас лично подъбочные замечания?

– Негативными, правда, в том случае, если бы я сказал, что вы уже вырыли себе могилу... позитивно же замечу, что таковую вы только что начали для себя рыть, вы ее успешно роете и вскоре дороете, если не воспользуетесь шансом, который даю и вам, и себе, и моей семье, и Гену, главное, нашей родине.

– Хорошо, я что, выходит дело, говно, в смысле ведущий следователь, и одновременно не могу потребовать пару лишних слов, разъясняющих как положено о чем тут идет речь, – так, я справаю, или не так?

– Представьте себе, что вы пытаетесь расколоть – черт знает в каком заговоре о покушении черт знает на кого – невинного академика-физика, пытавшегося расщепить в мирных целях атом и устроить цепную реакцию на благо страны и всего человечества... и вот, на самом верху, узнают о том, что вы этого физика измордовали и угробили, тем самым позволив империалистам догнать нашу науку и обзавестись ядерным оружием – оружием уничтожения ненавистного врага... вы разбираетесь хотя бы в азах квантовой физики микромира, в биологии, в цитологии, идиот проклятый, вывели меня из себя?

– Ебал я империализм вместе с так называемым человечеством – мы тут работники органов, а не граждане, между-прочим-то, какого-то микромира, не за него боремся, а за мир, если нам мешают такие, блядь, как некоторые трудности роста... и не пудрите ни мозги, ни подмышки – мы отсюда смотрим свысока на буржуя, ананас жующего, и на другие прослойки классового общества, донныне жрущие рябчиков... ну а вся кантовочная ваша физика лично мне и на хер не нужна.

– Вот именно... поэтому и генетику, особенно одно из ее прикладных значений, – учтите, очень и очень актуальное для Кремля – вы сами никогда не поймете... к примеру, я не разбираюсь ни в астрономии, ни в авиации, ни в футболе, поэтому не суюсь судить о этих предметах.

– Сходили бы в свое время на стадион «Динамо», где мы турок разьебли по-суворовски, по—буденновски, – сходу разобрались бы, чей котенок обосрался.

– Вот-вот, – задумчиво произнес арестант, вспомнив огромный, несравнимый по размерам с энкеведешным «Динамо», античный Колизей из того рокового, безжалостно каравшего сновидения.

– Короче, ты чего хочешь, то есть вы чего хотите сказать, А.В.Д.?.. хули зря моргать и на что-то намекать, прохаживаясь, как тот парень, по деревне мимо дома моего?.. неужели подкидываете намек, чтоб дернули мы вас к наркому, или куда повыше?

– Безусловно, поскольку лично вам и вышестоящим товарищам необходим компетентный консультант, имеющий представление о последних достижениях в цитологии и генетике... с этого я и хотел начать, но вы же превратили меня, если не в Полуяркова, то в полутруп... в таком виде я могу выступать только клоуном в «Деле 2109», которого вам мне не пришить, так что можете сразу выбивать второй глаз, но побойтесь: скоро оба ваши глаза будут выколоты зубочистками начальства.

– Однако, я вижу, вы преотлично отдохнули, поэтому хватит выябываться и шуточки шутить... кого ответственно рекомендуете?

– Себя лично, потому что ответственность должен нести я один, а не рекомендованные мною тетя Варя с дядей Сигизмундом, которым вы в любом случае пустите пулю в лоб, простите, в затылок... уверен, что порядок ваших действий, крайне выгодных вам и мне, должен быть следующим: необходимо довести суть открытия и открывающиеся в связи с ним эпохально величественные возможности, что необходимо подчеркнуть, до... – тут арестант многозначительно и исподлобья глянул на потолок, дав понять, что речь идет о том, кто расположен повыше здешнего Наркома, поблизости от надмирных сил... вот в чем «Дело номер 2109», гражданин Дребедень... популярное изложение моего открытия вами найдено на Уланском... не забудьте, я отказался переслать его в один из авторитетнейших журналов мира... если оно заинтересует – он вновь глянул на потолок – вы получите ключевые положения... кто знает – чем черт не шутит? – быть может, я возглавлю группу сотрудников для внедрения открытия в жизнь... войдите к Наркому с предложением иметь под эгидой НКВД не только авиаконструкторскую кондрашку, простите шарашку, но и метагенетическую, биоинженерную и так далее... к чему арестованным ученым кайлить вечную мерзлоту?.. не государственное это дело брать и бросать кадры на ветер, когда они решают, если не все, то кое-что?.. вам придется, сами понимаете, поставить на карту не только карьеру, однако выигрыш велик, вас заметят, убежден, мы еще с вами сработаемся... главное – безошибочно додуматься вот до чего: кто именно узнает первым о важном для Кремля открытии – отчизна, или же заграница?.. ведь их наука, в отличие от нашей, и вынужденно, и осто-лопски не стоит на месте... я устал говорить, поверьте, мне нужна передышка и, между прочим, нитроглицерин, чтоб не хватила кондрашка, – в данной ситуации это лишняя для вас головная боль... кроме того, разрешите изложить короткую просьбу?..

– Излагайте и обращайтесь, раз так, «гражданин капитан», для чего мне и выдан настоящий чин.

– Кажется, начинаю сходить с ума, гражданин капитан, мысли спотыкаются, мой сон – уже не сон, а молчаливая мука... хотелось бы побыть в общей камере, я, знаете ли, привык жить в коллективе... а то доиграетесь до того, что онемею до конца света.

– Подумаю, тогда решу, чтоб мне пропасть, – вдруг Дребедень сокрушенно схватился за голову и чуть ли не взвыл, – ну зачем ты, рвань безмозглая, из ряда вонь выходящая, зачем ты, гондонище, вызвался подписаться, чтоб рука твоя на хуй высохла, на почетную, видите ли, вахту?.. какого хера взял ты проклятое это дело на себя лично?.. у меня что, ебит

твою мать совсем, – нос не в эфире, жопа не в кефире, как сказал картавый дядя Моня кучерявой тете Фире?.. надерусь, надерусь, надерусь ко всем хуям собачьим и собачачьим!

– Во-первых, никогда не произносите слов *«высохшая рука»*, вас за эти два слова разжалуют и расстреляют, так что лучше подумайте о своей голове... вы знаете у *КОГО* именно ссохлась одна из верхних конечностей?.. во-вторых, советую не надираться – сначала примите безошибочное решение, время не терпит.

– Обойдемся без вражеских пожеланий в адрес Лубянской площади... я еще покажу всяким сраным генетикам, как давать рекомендации, жалобы, понимаете, и рационализаторские предложения органам страны советов... лучше сказали бы спасибо, что дознания от вас добиваемся мы, русские люди, а не какие-то Зямки Абрамычи, пробравшиеся в органы из-за черты оседлости, которые давно намотали бы твои кишки на руки... ты бы у них, как миленький, в момент запел козловской писклявостью... увести арестованного – быстро, суки зажившие, ув-вес-ти, а то я за себя буквально не отвечаю!

9

А.В.Д. увезли в камеру; он действительно утомился и у него болело сердце – болело той болью, которая всегда скрывает причину своего возникновения и старается прибить в человеке все мысли о себе, как о боли, словно бы боясь прихода желанного покоя во плоть любого страдальца, а уж от покоя до воли – рукой подать, как, возможно, думалось помиравшему Пушкину; он привалился на койке, перебрал в уме ход разговора, подумал, что Дребедень, поначалу несколько растерявшись, вот-вот заглотит крючок поглубже и тогда уж он, гнусный моллюск, с него не сорвется.

«О благословенные часы рыбалки... чего бы я только не отдал за пяток минут милого плеска прибрежной водицы, за туман предрассветный, за дымок костра, готового к вареву ушицы, за покой поплавка – того, подаренного Катей, сделанного каким-то умельцем – иди знай! – специально для меня в форме удивленно выпученного глаза с карим зрачком как две капли кровавых слезинок, похожим на мой... вот тоже – не благовестны ли подобные совпадения?... Дребедень не должен сорваться с крючка, не должен... невозможно ему теперь взять и так вот просто растоптать меня, помучать, потом запротоколировать смерть от разрыва сердца... наверняка стою на правильном пути, раз вокруг витают скрытные, или как теперь говорят, секретные ангелы совпадений, даром сны не снятся, и неспроста все чешется и чешется, словно в детстве перед подарками, правая ладошка... смешно: «чего бы я только не отдал!»... собственно, и отдавать-то нечего кроме жизни, а она, пиши, так и так уже отдается, причем с радостью, – за Катю, Верочку и Гена... Господи, помоги, иначе не пройдет последняя моя в жизни игровая авантюра».

Он не заметил, сколько промелькнуло минут, как не замечает течения пылинки, которая легче вод, поэтому ее и отделяет от них какая-нибудь одна сотая миллиметра.

Открылась кормушка – это ему, как выразился надзор, притаранили стеклянный цилиндр с нитроглицерином, баланду и биточки с гречневой кашкой; слово «биточки» показалось вполне многозначительным в этих гнусных пыточных застенках; после кормежки все тот же надзор, хмуроватый чмур, вошел в камеру, велел сесть в коляску и покатыл его куда-то, приказав не ворочать башкой по сторонам; для любого арестанта такой недальний этап – большое событие; радость А. В. Д. скрыл, надеясь в глубине души, что наживка действительно заглочена Дребеденем еще глубже, еще крепче, и это, скорей уж, результат не его, А.В.Д., умения, а наредкость блестящего игрового расчета, граничащего с чудом, вероятно, задуманного самим собой, то есть иррационально, поэтому кажущегося наделенным и наитием, и самосознанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.